

№11
Ноябрь 2017

Т УССКИЙ КЛУБ

ТБИЛИССКАЯ РАПСОДИЯ
ГОГИ ЧЛАИДЗЕ
С. 32

Мир без преград

*Банк ВТБ – Генеральный спонсор
Московского Международного
Кинофестиваля*

8 (800) 200–77–99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Донара КАНДЕЛАКИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КAVTAPADZE
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
**КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ**

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№11⁽¹⁴⁵⁾
Ноябрь 2017

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ТАК В ЧЕМ ЖЕ ИСТИНА?
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 12 «Я ПРИШЕЛ ИЗ ДРУГОЙ СТРАНЫ...»
НИНА ШАДУРИ
- 15 БЫВШИХ АКТРИС НЕ БЫВАЕТ
НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ
- 18 СВЕТЛЫЙ ТАЛАНТ
- 19 ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ
ПЕРЕВОД ГИНЫ ЧЕЛИДЗЕ
- 20 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 26 ТВОРЧЕСТВО НИКОЛАЯ САНДУНОВА
РОКСАНА АХВЕРДЯН
- 32 ТБИЛИССКАЯ РАПСОДИЯ ГОГИ ЧЛАИДЗЕ
ИРИНА ВЛАДИСЛАВСКАЯ
- 38 ДЖАНСУГ ЧАРКВИАНИ
ПЕРЕВОД НАТАЛИИ СОКОЛОВСКОЙ
- 40 ДОРОГОЮ ДОБРА
ЮЛИЯ ТУЖИЛКИНА
- 44 ИЗБРАННОСТЬ ИКОН
АЛЕНА ДЕНЯГА
- 47 КОГДА В ТАЛАНТ УЛОЖЕНА ДУША
ИРИНА ШЕЛИЯ
- 51 «Я В МУЗЫКУ ИДУ КАК В ОКЕАН»

На обложке – Осень в городе

Фото **Александра Сватикова**

от ДО

■ Роб АВАДЯЕВ

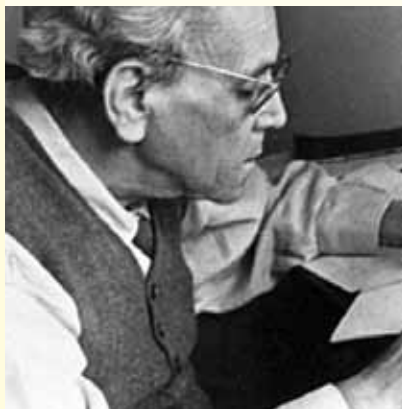

ГРАФСКИЙ ПРИРАБОТОК

Ровно 110 лет назад в Москве появились первые маршрутки. Поклонник передовых европейских идей граф Шереметев на свои кровные приобрел в Германии два очень приличных автомобиля – 12-местный NAG и восьмиместный «Даймлер», определил стоимость проезда в 15 копеек и запустил их по маршруту от Марьиной рощи до останкинских дач. Это приносило графу вполне стабильный доход, хоть и невеликий. Он назвал машины на заграничный лад автобусами, но, по сути, это были маршрутные такси – остановки «по требованию», а водитель сам был кондуктором. Дачникам новинка пришлось по вкусу. В центре прокладывать автобусные маршруты предпринимчивому графу не разрешила Городская дума, чтобы не создавать конкуренции трамваям. Но это было недолго – уже год спустя по московским улицам покатали автобусы по всем направлениям – дело в том, что по сравнению с трамвайными пробками, автомобильные в те времена были просто пустяком. Но когда началась Первая мировая война, все автобусы были реквизированы и отправлены на фронт, где их следы теряются.

МАРШАК

Как же повезло русским детям, что произведения, стихи и сказки для них создавали серьезные и крупные писатели и поэты! Одно только перечисление имен составит хорошую колонку в журнале – тут и Чуковский, и Маршак, и Заболоцкий, и Олейников, и Хармс. А вот еще: во всем мире признано, что русская переводческая школа великолепна. Переводами занимались практически все великие писатели и поэты России. Поэтому наши читатели так хорошо знают зарубежную литературу, просто как свою родную. Отечественные писатели не считали зазорным тратить усилия для прославления «чужих» или писать «несерьезное» для детишек. Честь им за это и хвала! Но сегодня мы вспомним одного из самых гениальных детских поэтов и незауряднейшего переводчика с разных языков, особенно с английского. Самуилу Яковлевичу Маршаку исполняется 130 лет со дня рождения. Он родился в провинциальном Воронеже 3 ноября 1887 года. И с самого детства слыл вундеркиндом. Его школьный учитель послал Семушкину ученическую тетрадку знаменитому критику Стасову. Тот был очарован стихами безвестного еврейского мальчика и решил ему помочь. Он оплачивал учебу юного Маршака в приличной столичной гимназии, ввел в круг крупных писателей, где со своими стихами Сема имел успех, познакомил со знаменитым Горьким. И эти два человека подружились на всю жизнь. Горький пригласил мальчика пожить у себя в семье в Ялте на правах родственника, а потом помог и с первыми публикациями. По окончании учебы Маршак отправился корреспондентом в Святую землю и какое-то время пожил в Иерусалиме, а после отправился на учебу в Англию, где

глубоко изучил английский и народную поэзию, которую начал чрезвычайно успешно переводить на русский. Так у нас появились «Робин Бобин», «Шалтай-болтай», «Три мудреца», «Киска у королевы у английской» и многое-многое другое. Определение «многое-многое» в полувековом творчестве Маршака придется применять часто: он переводил многих-многих поэтов – Шекспира, Блейка, Вордсворта, Милна и еще бесчисленное множество украинских, белорусских, армянских, литовских авторов. Он написал чудесные сказки и стихи для детей – от собачонки в «Багаже», «Кошкиного дома», «Двенадцати месяцев», «Человека рассеянного», «Теремка» и воробья, который обедал у разных зверей. А скольких людей он привел в детскую литературу и всемерно поддерживал – Гайдара, Житкова, Введенского и даже Хармса. А скольких он защищал, скольких вытаскивал буквально «из-под топора» сталинской машины террора. Отказался обличать Ахматову и Зощенку, поддерживал Твардовского в публикации «Одного дня Ивана Денисовича», писал письма в поддержку И. Бродского. Он был не только талантливым, но и сильным человеком. Хорошим человеком, хотя и не с простым характером. Он много трудился и многое успел. И его произведения уж точно и заслуженно вошли в бессмертный золотой фонд русской литературы.

ДЕНЬ 7 НОЯБРЯ

Это один из самых «урожайных» дней в году – 7 ноября родились многие знаменитые персоны и произошло немало знаменательных событий мировой истории. Вот некоторые из них. Родились: великий физик Мария Склодовская-Кюри (1867); крупный революционер, создатель Красной армии и один из основателей Советского государства Лев Троцкий (1879); украинский политический и военный деятель, времен Гражданской войны, анархо-коммунист, организатор и руководитель повстанческого движения на юге Украины во время Гражданской войны Нестор (батька) Махно (1888); комиссар, писатель и автор романа «Чапаев» Дмитрий Фуманов (1891); незабвенная миссис Хадсон и черепаха Тортилла артистка Рина Зеленая (1902); выдающийся

советский конструктор ракетно-космических комплексов Михаил Янгель (1911); известный артист, воплотивший народную Бабу Ягу в десятках детских фильмов Георгий Милляр; крупный французский писатель XX века, нобелевский лауреат Альбер Камю и многие, многие другие. Умерло тоже немало знаменитостей – Элеонора Рузвельт, Рихард Зорге, Борис Заходер, Леонард Козн и др. И памятных дат изрядное множество – от VI Вселенского Собора в Константинополе (680), парада советских войск в Москве 1941 года и открытия «рентгеновских лучей» (1895) до дня начала работы первого вытрезителя в 1902 году. И все это, естественно, не считая Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года. Правда, лидер большевиков Владимир Ленин планировал осуществить ее на три дня позже, но непосредственный руководитель восстания пламенный Лев Троцкий, будучи человеком, начисто лишенным скромности, решил не мелочиться и приурочить сие историческое событие ко дню своего рождения. Это было так неожиданно, что пришлось Ленину срочно пешком отправляться в Смольный, где находился штаб. Он пошел прямо посреди ночи только с одним сопровождающим, сбрав для конспирации свою знаменитую бородку клинышком и прячась в гулких парадных от полицейских патрулей. А дальше были солдаты и матросы, красные транспаранты «Вся власть Советам!», «Аврора», штурм Зимнего, Декрет о мире... Короче, «с праздником Великого Октября, дорогие товарищи!», как говаривали в былые времена.

АСТРИД ЛИНДГРЕН

А вы знаете, что прототипом знаменитого «Карлсона, который живет на крыше» – того самого «в меру упитанного мужчины, ну в самом расцвете лет» был ни много ни мало сам... Герман Геринг. Да-да, будущий «наци номер два», из фашистских бонз. Юная Астрид, восхищенно задрав голову, наблюдала за воздушной акробатикой заезжего германского самолетного цирка, который с гастролями возили по всей Швеции. И главным героем этого шоу был герой Первой мировой, прославленный воз-

душный асс, красавец с продаваемых открыток, бесстрашный летчик Геринг. В него были влюблены буквально все шведские школьницы, и Астрид Эрикссон, будущая Линдгрэн, тоже. Вот какие бывают случаи! Воистину, «когда б вы знали, из какого сора...» Ну это так, к слову! А если серьезно, то 14 ноября исполняется 110 лет со дня рождения великой шведской сказочнице Астрид Линдгрэн. И мы благодарны ей за ее героев, невзирая на всех возможных прототипов. Спасибо ей от нас и наших детей за Пэппи, Калле Блюмквиста, детей с Горластой улицы, братьев Львиное сердце, Расмусабродягу, Мио, моего Мио, Роню, дочь разбойника и бессмертного Карлсона с Малышом!

ОТ МАЛОГО ДО БОЛЬШОГО

Некоторые особенно романтические, чувствительные и, что греха таить, малообразованные люди считают чуть ли не инопланетянами ряд исторических знаменитостей, чье творчество не поддается их пониманию. К ним они причисляют и Леонардо да Винчи, и Баха, и Ньютона, и Босха и т.д., и т.д. И, представьте, нашего героя тоже – в этом ноябре исполняется 350 лет со дня рождения великому и загадочному Джонатану Свифту. Действительно, не очень понятно, как он в «лохматых годах» ухитрялся оперировать микро и макро понятиями, рассказывая о приключениях корабельного врача в стране крохотных лилипутов и громадных великанов. Да, просто был гением созда-

тель Гулливера! Обыкновенным гением. И непонятно, почему невеждам так хочется найти обязательно что-то «иное», «чужое» объяснение. Вообще-то, гениальность, на наше счастье, присуща роду людскому и нашей сущности. Хотя, конечно, это «товар штучный» и редкий.

ЭЛЬДАР РЯЗАНОВ

Сегодня ему исполнилось бы 90 лет. Хотелось написать о нем побольше, но уж больно свежа рана. Эльдара Рязанова нет с нами уже два года. Думаю, желающие могут его биографию наугуглить. А мы просто перечислим некоторые из его ипостасей и вспомним некоторые из его достижений: Эльдар Александрович Рязанов – режиссер, сценарист, драматург, телеведущий и настоящий классик советского кинематографа. Он умел с улыбкой – когда веселой, когда горькой – говорить о самых сложных вещах. Давайте вспомним его прекрасные фильмы, начиная с «Карнавальная ночь» – «Гусарская баллада», «Невероятные приключения итальянцев в России», «Берегись автомобиля», «Старики-разбойники», «Ирония судьбы, или с легким паром!», «Служебный роман», «Вокзал для двоих», «Гараж», «О бедном гусаре замолвите слово», «Жестокий романс», «Забывтая мелодия для флейты», «Дорогая Елена Сергеевна», «Небеса обетованные», «Предсказание», «Привет, дуралеи!», «Ключ от спальни», «Андерсен. Жизнь без любви». А Тбилиси он любил особой любовью и часто здесь бывал.

Сцена из спектакля «Первая пьеса Чехова»

ТАК В ЧЕМ ЖЕ ИСТИНА?

■ Инна БЕЗИРГАНОВА

В сентябре-октябре нынешнего года прошел традиционный IX Тбилисский международный театральный фестиваль.

ДВА ЧЕХОВА

Давно уже пришло время смириться с тем или, напротив, возрадоваться тому, что русский писатель Чехов стал достоянием всего человечества и отправился в свободное плавание по мировому океану под названием «театр». Со всеми вытекающими последствиями. Умом мы с этим соглашаемся и гордимся тем, что Чехова называют Шекспиром XX века. Но наши привычки, традиции, то, что связано с подсознанием и чувственным опытом, иногда мешают нам принять новые веяния в сценической чеховиане. И мы – представители более старшего поколения, казалось бы, изучившие творчество писателя вдоль и поперек, оцениваем его восприятие и трактовку продвинутыми зарубежными деятелями театра несколько настороженно. Рассуждаем об этом критично. Но факт остается

фактом: время не стоит на месте и требует нового осмысления классики и старых, вечных истин. Как это происходит в спектакле «Первая пьеса Чехова» британо-ирландского театра Dead centre, поставленном тридцатилетними режиссерами Бушем Мукарцелем и Бэном Киддом.

Они предлагают зрителю принять участие в игре. Игре в чеховскую традицию (а может быть, в игру со стереотипами). А затем стать свидетелями ее выхолащивания – как и разрушения четвертой стены, существующей между классическими персонажами и сегодняшней публикой. При этом доказывая вневременность поставленных писателем проблем, до болезненного предела обостряя их в контексте экзистенциальной психологии личности в современном мире. С присущим ей чувством страха, отчаяния, безысходности, а главное – ощущением пустоты. Последнее определяется Бушем Мукарцелем и Бэном Киддом термином «синдром Платонова».

На сцене Платонов – главный герой незавершенной пьесы Чехова – долго не появляется. Но о нем много, беспрестанно говорят – так сказать, «в ожидании Платонова». Действие поначалу разворачивается медленно, со всеми подробностями

традиционной мхатовской стилистики, с самоваром, песнями под гитару. Правда, с одним нюансом: появившийся на сцене перед началом представления некий экстравагантный субъект – это один из режиссеров! – с пистолетом в руке (намек на чеховское ружье, которое непременно должно выстрелить!) и предложивший зрителям надеть и проверить наушники (как позднее выяснилось, для проформы – они оказались совершенно ненужными), «чтобы лучше воспринимать текст», затем скрывается, а «Платонов» комментирует происходящее на сцене уже из-за кулис. Говорит о том, что было вырезано из пьесы, оценивает игру актеров в той или иной сцене, касается каких-то моментов их биографии, рассуждает на другие темы – с юмором... С одной стороны, этот сценический прием не может не тормозить действие, с другой – становится своего рода чеховской лабораторией, воркшопом... Но в один момент ситуация начинает меняться. Темпоритм ускоряется, сцены проигрываются очень быстро, почти стремительно. Как будто бегло просматриваются кинокадры. А потом происходит и нечто совершенно неожиданное и революционное: над сценой нависает огромный шар – в строительстве его име-

нут шар-бабой, с помощью которой разрушают старые здания. И он наносит сокрушительный удар по традиционным декорациям (художник Эндру Кленс) – как мы понимаем, по традиционному Чехову. У кого-то из героев в руках появляется дрель, у другого – молоток. Метаморфозы происходят и с самими персонажами. Они вдруг начинают исполнять танец под современные ритмы, а после и вовсе «разрушаться-разоблачаться». В итоге выявляется их болезненность и беспомощность. Мы видим покалеченных, травмированных людей. Беременная героиня (у Чехова она уже родившая женщина) – жена Платонова – ложится на операционный стол, на сцену выносятся системы для переливания крови. Одного из персонажей хватил удар – и он, словно бабочка от кокона, освобождается от своего костюма, обретая новую сущность... А долгожданный Платонов выходит на сцену из зала. Он один из нас – молодой человек в джинсах и наушниках. Этот персонаж словно делегирован нашими современниками. И если в пьесе Платонов довольно много говорит, то в спектакле Dead centre он хранит молчание. В то время как все жаждут общения с ним. Но этому Платонову, понятно, нечего им сказать...

Последние минуты спектакля. Персонажи собираются за столом и играют в русскую рулетку. Пистолет во всех случаях дает осечку. И только когда оружие попадает в руки ведущему с кровавой повязкой на голове (тому самому, кто появился в начале спектакля перед публикой с пистолетом в руке), мучающемуся неразрешимыми экзистенциальными вопросами: «Кто я? Зачем я? Где я?», раздается выстрел. Он падает замертво. А появившийся из зала молчаливый Платонов быстро выходит к публике и произносит одно-единственное слово: «Hello!». Смотрите, кто пришел! Это я! Тот же Платонов, обремененный теми же вопросами. Но без иллюзий и с пустотой внутри. Один из вас, зрителей!

Если на все происходящее в ирландской постановке мы смотрим отстраненно, глазами

двух режиссеров-экспериментаторов и смоделированного ими нового Платонова, то событиями, разворачивающимися в спектакле «Вишневый сад», поставленном Давидом Доиашвили на сцене Бухарестского национального театра, дирижирует не кто иной, как... Шарлотта (Иштван Теглас). Наиболее загадочный персонаж пьесы. В трактовке грузинского режиссера Шарлотта, одетая в балетную пачку и цилиндр, – это еще более необычная персона – то ли трансвестит, то ли актер, исполняющий женскую роль. Возможно, этот артист и есть режиссер спектакля. Время от времени он обращается к тексту пьесы, делает замечания актерам, а в одном из эпизодов даже ведет репетицию комической сцены с участием Дуняши, Яши и Епиходова... на французском языке.

Особо отметим сценографию (художники Тамар Квесидадзе, Габи Албу). Сцена – как и зрительный зал – превращена в вишневый сад. Повсюду – белые цветы. Мы словно ощущаем одуряющий аромат цветущих деревьев. Их ветви преподносятся в качестве букетов. Они украшают стол... Но главный «персонаж» художественного оформления – детская. Большая комната-аквариум – словно живое существо. Это, по сути, райский уголок, изолированный от внешнего мира. В нем происходят фантастические вещи, время от вре-

мени «аквариум» словно расцветает. Но он никого не может защитить от зла мира, и когда в спектакле происходят неправимые вещи, по прозрачным стенкам райской комнаты словно текут слезы. И еще в ней обитает удивительное нечто – тот самый шкаф, которому поет дифирамбы болливый и ничемный Гаев (Гаврил Патру). Этот «объект ностальгии» тоже совершенно фантастический, не зря именно с ним вступает в таинственный контакт Шарлотта, когда делает свои фокусы. К тому же шкаф – это та вершина, на которую взбирается влюбленная в Петю «женщина-ребенок» Аня (Крина Семчук)... и остается на ней одна. Потому что Трофимов (Рарес Андриц) не способен ответить на ее чувство, оказывается «не на высоте». Бежит от любви.

По сути, все мужчины в спектакле Д. Доиашвили – колоссы на глиняных ногах. Они не способны защитить женщин и сделать их счастливыми. Варя (Ралуца Апроду), как и Аня, не находит отклика в объекте своей любви. Если Петя ограничивается пустопорожними речами, то и Лопехин, купивший имение и вишневый сад, тоже проявляет себя отнюдь не героем. Производит впечатление не победителя, а проигравшего. Человека в чем-то закомплексованного, слабого. Этот Лопехин всегда будет помнить о том, что он по происхождению мужик, что его отца не пускали

Сцена из спектакля «Первая пьеса Чехова»

дальше передней. Интимная сцена с Варей, весьма откровенная, дает понять, что Лопухин в чем-то ущербный, даже беспомощный человек. Невзирая на свое богатство. И Варя по определению не может быть с ним счастлива.

Интересно решена «зеркальная» сцена, когда Варя и Аня возвращают своим несостоявшимся мужьям старые калоши. Вот и вся любовь.

Но есть в спектакле Доиашили еще одна несчастная и одинокая. Это рыжеволосая бестия Раневская. В трактовке Доиашили – роковая, порочная женщина, соблазвившая Лопухина, жениха старшей дочери, и пытающаяся увлечь Петю Трофимова... Раневская в исполнении румынской актрисы Моники Давидеску – женщина гибельных страстей. Все ее проявления очень эмоциональны, предельны. Известие о продаже вишневого сада Любовь Андреевна воспринимает крайне болезненно. Совершенно теряя самообладание, выбегает на сцену без рыжего парика, с распущенными седыми волосами, полуобнаженная. Чем-то напоминая безумную шекспировскую Офелию. Особенно в эпизоде, когда Раневская хватается за топор и пытается нанести удар по вишневому дереву. Может быть, шекспировских страстей немного больше, чем хотелось бы. Но такова уж воля режиссера...

Чуть было не забыли о легкомысленной прислуге Дуняше (Анна Ковальчук), возомнившей себя благородной дамой и тоже ставшей жертвой отнюдь не благородного мужчины. Словом, перефразируя известную поговорку: *cherche un homme* – ищите мужчину. Уничтожаемый вишневый сад – потерянный рай! – это, по сути, рухнувшие надежды. В спектакле Доиашили победителей нет. И надежды, вместе с забытым Фирсом (Михай Константин), уходят в волшебную комнату, некогда бывшую детской. В шкаф. В небытие.

Спектакль пронизан музыкой Георгия Свиридова и Ники Меманишвили – она волнует, трогает до глубины души. И на-

поминает о том, что «на свете счастья нет, но есть покой и воля».

ИСТОРИИ ЛЮБВИ

Наверное, об этом же спектакль «Последние свидания», представленный московским театром – «Мастерской Петра Фоменко». Но главная идея этой постановки, в основе которой четыре рассказа из цикла Ивана Бунина «Темные аллеи», выражена в словах одной из героинь – Натали: «Разве бывает несчастная любовь? Разве самая скорбная в мире музыка не дает счастья?»

Рассказы «Натали», «Генрих», «Речной трактир» и «Мадрид», персонажи которых переживают «солнечный удар», наваждение от невероятной по своей силе, самозабвенной любви, находят легкое, изящное, без навязчивых режиссерских изысков и затей (режиссура – в тонкой вязи ажурных диалогов, в лаконичности построения мизансцен, в общей, какой-то призрачной, тревожной атмосфере), сценическое воплощение в спектакле Юрия Титова. Он выступает в качестве и режиссера, и актера – играет роль Глебова («Генрих»).

В «Последних свиданиях» заняты в основном молодые актеры, и они искренне и вдохновенно проживают драматические судьбы своих героев. Пленительные женские образы – Натали, Соня («Натали»), Генрих (одноименный рассказ), Поля («Мадрид»)... и влюблен-

ные в них мужчины, благородные, способные на сильные, глубокие чувства: Глебов, пользующийся невероятным успехом у женщин; влюбчивый, увлекающийся Виталий Мещерский («Натали»), одинокий, неприкаянный доктор («Речной трактир»), Сергей Владимирович («Мадрид»).

На сцене построена универсальная декорация-конструкция со множеством окон и дверей, которая мгновенно превращается то в гостиничный номер, то в речной трактир, то в купе вагона, то в дворянскую усадьбу... Мелькают картинки за окном в купе вагона; вспыхивает молния, освещая все вокруг тревожным светом, и это созвучно чувствам героев; то гаснет, то зажигается лампа в питейном заведении, где за водкой беседуют двое мужчин; модную мелодию играет патефон... Раз – и в открытом окне мы наблюдаем постельную сцену в купе вагона. Два – и как по мановению волшебной палочки из чуда-конструкции выдвигаются диван, кресло или столик.

Три истории любви в спектакле трагичны. А вот последняя – «Мадрид» – дает надежду. Так построен спектакль – герои этого бунинского рассказа, проститутка Поля и Сергей Владимирович, встретившиеся в совсем не романтической обстановке, вдруг почувствовали друг к другу нечто особенное, сильное и нежное. Их история только начинается... и не хочется верить в то, что это тоже

Сцена из спектакля «Последние свидания»

«последнее свидание». Тем более что Бунин предлагает нам открытый финал: влюбленные обсуждают туманное будущее. Как Он нежен и заботлив к этой падшей женщине, с какой доверчивостью Она относится к нему! Удивительная чистота отношений – при чудовищных реалиях. Потому что «разве бывает на свете несчастная любовь?!» Ведь именно она преобразует жестокий, пошлый мир, превращая его в райские кущи. Пусть даже только на время.

Без любви, или хотя бы надежды на любовь и счастье, человек существовать не может. Как персонаж спектакля, поставленного грузинским режиссером Леваном Цуладзе на итальянской сцене (Театральный фонд Эмилии Романа) по мотивам рассказа Луиджи Пиранделло «Черепаша»: в нем писатель показывает внутренний мир маленького человека – мистера Мишкоу, его протест против несправедливости мироустройства, серости и ограниченности человеческого существования. Небольшую новеллу Леван Цуладзе развернул в яркий спектакль, в котором соединились стилистика немого кино и традиции комедии дель арте, гэги, элементы пантомимы, клоунады и драматическое начало (возможно, смех чуть-чуть преобладает над драматизмом). Режиссер вывел на сцену персонажей, которых нет в рассказе: это прислуга в доме Мишкоу; сочинил целую историю их отношений в остро-комедийном ключе, используя многочисленные трюки. Нафантазировал образ супруги главного героя, показал ее драму, патологию – абсолютную неспособность любить. Она великолепна, изысканна, но совершенно холодна... Даже в руках молодого любовника она кажется бесчувственной куклой. В спектакле, правда, нет детей Мишкоу – в новелле Пиранделло это тоже настоящие монстры, под стать своей матери.

История Мишкоу в спектакле Левана Цуладзе – это история маленького человека чаплинского разлива. Он одинок,

чувствует себя в своей среде абсолютным анахоретом. Это проявляется уже в первой безмолвной сцене, когда Мишкоу пытается разобраться с многочисленной обувью, и так смешон и нелеп в этом долгом и весьма странном «процессе». А его печальный монолог о старой мебели и ночной тишине лишней раз доказывает то, что Мишкоу – посторонний в этом мире. И родное, близкое существо он находит отнюдь не в семье или среди друзей и сослуживцев... а в бессловесном пресмыкающемся. И смех, и слезы вызывает сцена, когда Мишкоу общается с черепахой как с ребенком, называет ее разными ласковыми именами, умиляется ее глазкам. Каждый хочет любить и быть любимым. И в ответ на ультиматум жены, с которой у него никогда не было душевной близости: «или я, или черепаха», Мишкоу в конце концов принимает решение в пользу второй. В этом поступке – его бунт против обывательского, мещанского существования. В итоге рушится картонный домик мнимого благополучия Мишкоу. Его покидает не только равнодушная жена, но и вороватая челядь (в одном эпизоде прислуга ловко достает из кармана спящего хозяина кошелек с деньгами). При этом в финале героя подвергают обструкции – швыряют в него какими-то вещами, оскорбляют. Мишкоу буквально тонет в тряпье и презрении окружающих. Но, как ни странно, это не причиняет ему никакого особого дискомфорта. Напротив, – наконец мужчина обрел свободу! Мишкоу освобождается от галстука, как от удавки, растегивает верхнюю пуговицу на сорочке, ложится на брошенную одежду и кувырывается на ней под энергичную итальянскую музыку – словно рыба, плещущаяся в воде... Наконец-то он обрел рай. «Она танцует – какое счастье!» – говорит Мишкоу о своей любимице-черепахе, из камня (то есть, неподвижности!) превратившейся в нежное, забавное существо, перебирающее лапами словно в танце.

Сцена из спектакля «Черепаша»

НЕМЕЦКИЙ ТЕАТР

В отличие от Мишкоу Луиджи Пиранделло, у персонажей спектакля «Конец игры» С. Беккета, представленного Schauspiel Dortmund (Германия), – нет никакого выхода. Режиссер Кай Фогес поставил камерный спектакль с предельно жестким, графически четким рисунком, ограничив свою сценическую историю двумя персонажами – в то время как в пьесе их четыре. В итоге конфликт стал более концентрированным, острым и определенным. Чему способствовало и то, что эти двое были помещены в сугубо условное, черно-белое пространство, наглухо изолированное от внешнего мира. И сами стали неотъемлемой частью этого пространства, слились с ним, что подчеркивается черно-белой гаммой их костюмов, сочетающейся с графикой художественного решения. В этом ограниченном, обезличенном мире царит тем не менее высокое эмоциональное напряжение, наэлектризованность. Огромную роль в спектакле играет световое (мигающее) и звуковое оформление – к примеру, на протяжении всего действия тревожный звук бьющегося стекла, во всех случаях, когда чрезмерно подвижный герой швыряет на пол очередной предмет. К слову, все предметы в этом пространстве как бы лишены объема, условно обозначены.

В спектакле Кая Фогеса запертые в четырех стенах слепой инвалид и ухаживающий за ним мужчина, обреченные быть вместе, много, десятки раз проигрывают одну и ту же сцену, произносят один и тот же диалог: «Так вы все-таки хотите, чтобы я вас оставил». – «Разумеется». – «Значит, я вас оставлю». – «Ты не можешь меня оставить». – «Значит, я вас не оставлю». Причем один прикован к инвалидному креслу, а другой как маятник мечется по комнате на высоких платформах, обреченный на бесконечное движение по одной и той же траектории. Поистине адово кружение (кто-то остроумно назвал это дурной фиксацией бесконечности)... и полнейшая безысходность. Не только потому, что верный слуга не может оставить своего деспотичного господина (то ли из чувства долга, то ли ввиду неспособности освободиться от рабства). Но и потому что за пределами этого замкнутого пространства – пустота. Ничего! Открывается окно – а за ним большими буквами начертано одно-единственное слово: «Ноль!» Что дает волю воображению зрителя. То ли это апокалипсис – ядерная зима со всеми вытекающими. При этом чудом уцелели двое обреченных... То ли это модель психологического, экзистенциального тупика, в котором оказались не только персонажи Беккета, но – все человечество. «Какая сейчас погода?» – спрашивает инвалид своего товарища по несчастью. – «Та же, что и всегда», – отвечает он. Круг опять замкнулся. Так заканчивается спектакль Schauspiel Dortmund.

Похоже, коллектив, представляющий Badisches Staatstheater Karlsruhe – государственный театр из Германии, – четче для себя определяет, за что и с чем нужно бороться. Во всяком случае, их творческие заявления вполне конкретные. И сделаны они были еще перед началом спектакля. Суть их – не только в утверждении приоритета культурных ценностей вообще, но и в защите национального лица культуры. «Искусство не международное – оно национальное!.. Поэтому

немец должен рисовать по-немецки. Ведь все его искусство выражает немецкий дух. Искусство национально, и чем больше оно национально, тем больше его международное признание. Сейчас начинается трудная борьба за немецкую нацию и ее культуру. Боритесь с нами вместе!».

После этого манифеста зрители увидели необычный спектакль «Камни памяти из Штаттеатра» в постановке режиссера Ганса-Вернера Крезингера, основанный на исторических документах, архивных материалах – письмах, приказах, выписках из личных дел, газетных публикациях периода фашистской Германии. Речь идет о драматической судьбе нескольких сотрудников старейшего в Германии Badisches Staatstheater Karlsruhe, который фашисты пытались превратить в «обновленный театр немецкого народа», очищая его от евреев. Среди жертв гитлеровского режима – талантливая певица-субретка Лили Янк, актер Херманн Брант, суфлер Эмма Грандайт, Пол Генеке...

Жанр «Камней памяти» – театр. doc. Участники спектакля ничего не обыгрывают, а просто беспристрастно знакомят зрителей с различными документами. Да здесь и не нужно ничего обыгрывать – страшные исторические свидетельства говорят сами за себя. При этом граница между публикой и актерами стирается – большая

часть зрителей сидит с ними за одним огромным столом, представляющим собой половину свастики. Будто присутствуют на суде. К документальным материалам были добавлены драматические тексты Клейста, комические песни Брехта, а также тексты, написанные самими участниками спектакля. Впечатление усиливают видеомонтажи – документальные кинокадры времен фашизма и, конечно, музыка. Цель создателей этого документального спектакля можно определить словосочетанием: чтобы помнили. Это предостережение для тех, кто склонен игнорировать уроки истории. Прежде всего – для самого немецкого народа.

В ВАГОНЕ ВРЕМЕНИ

Об уроках истории размышляют сегодня и в Польше. Малопривлекательный портрет современной Европы создал в своем спектакле «Французы» знаменитый польский режиссер Кшиштоф Варликовский, предложив свой взгляд на полуавтобиографический цикл из семи романов писателя-модерниста Марселя Пруста «В поисках утраченного времени». Разумеется, перенести его на сцену – задача абсолютно невыполнимая. Но Варликовский и не стремился к этому, выразив через персонажей французского писателя критическое отношение к сегодняшней реальности.

Сцена из спектакля «Конец игры»

«Французы» Варликовско-го освоили в Тбилиси большое пространство выставочного центра «Экспо-Джорджиа» – уже это придало спектаклю необычный масштаб и стиль (художник – Малгожата Шчешняк). А когда на огромную сценическую площадку выехал застекленный прозрачный вагон – символ быстротечного времени – с персонажами спектакля, зрители просто замерли от восторга. Длинная барная стойка в глубине; активно работающие видеоинсталляции – в основном отражающие мир растений и насекомых, эротические фантазии; двуспальная кровать. Вот обстановка, в которой разворачивается действие интеллектуального спектакля Варликовского. Его интересуется не только монументальный роман «В поисках утраченного времени», но и сам автор, – впрочем, одно неотделимо от другого. Как отмечает Константин Львов в своей публикации «Французы в аквариуме», «вероятно, в атмосфере «прекрасной эпохи» (это и жизнь самого писателя, и Франция рубежа веков, и Первая мировая война, и резонансное дело капитана Альфреда Дрейфуса, разжалованного военным судом и приговоренного к пожизненной ссылке на фоне антисемитизма, и революция в России. – И.Б.) было что-то пьянящее и удушающее, словно аромат орхидеи, воткнутой в корсаж. (Сэмюэль Беккет отмечает частое использование Прустом сравнений с миром ботаники; можно предположить, то было следствием недугов Пруста, вынудивших его разбираться в растениях и запахах, чтобы избежать аллергии.)

Отсюда в спектакле – акцент на растениях в видеоинсталляциях. Последние вообще играют здесь огромную роль, ведь в них отражается сложный мир ассоциаций, связанный с инстинктивной памятью, тончайшие переливы чувств и ощущений. Не случайно и появление на сцене огромного пестика... В режиссерском решении Варликовского большое место занимает сексуальная составляющая, особенно – гомосексуальные мотивы. Что

Сцена из спектакля «Французы»

имеет непосредственное отношение как к среде обитания персонажей Пруста, так и к самому писателю.

Еще один момент. Марсель, рассказчик (собственно, он и есть альтер-эго писателя) – эту роль исполняет молодой, изысканно красивый актер Бартош Гельнер – болен астмой, его постоянно мучает кашель. Известно, что Пруст писал свой роман, будучи запертым в комнате, долгие годы страдая тяжелым аллергическим заболеванием. Живые впечатления во многом заменила память. Так что «В поисках утраченного времени» – это своего рода форма воскрешения прошлого. А для Варликовского – возможность выразить свое отношение к Европе и европейцам.

Огромное значение для Пруста имеет искусство, с помощью которого, на его взгляд, можно удержать и увековечить время, остановить прекрасное мгновение. Незабываемые минуты спектакля Варликовского – выступление виолончелиста Михала Пеполы. Живая музыка завораживает как зрителей, так и персонажей спектакля. Все охвачены экстатическим чувством и этим объединены. А на экране в это время – человек в природе. Вернувший свою подлинность и природность.

Но эта гармония разрушается. Варликовский в своем спектакле размышляет о кор-

нях ксенофобии, нетерпимости в человеческом обществе. Он выводит на сцену не только героев романа Пруста – французскую аристократическую и буржуазную элиту, но и других персонажей. Это рыжая певица Рахиль и некое существо в маске – воплощение зла. Пронзительные песни Рахили, а также довольно жесткие и продолжительные хореографические и пантомимические сцены с участием этих двоих воссоздают атмосферу эпохи, «Содом и Гоморру» реальности (не только времен Пруста, но и нашей, сегодняшней), наполненной пороком и насилием. Режиссер бросает обвинение европейским элитам.

Один из персонажей спектакля категоричен и радикален в своих лозунгах: «Все, кто представляет Европу, кто принадлежит к европейским элитам, – вон!!! Убирайтесь! Кто им верит? Во всем виноваты ВСЕ!»

Так называемые европейские ценности обветшали, как и персонажи Пруста – Варликовского. В третьей части они появляются старыми и немощными. В спектакле звучит тема старости и смерти. Приводится огромный, бесконечный список умерших знаменитостей... Так в чем же истина? И что мы ищем и обретаем?

Иванэ Курасбедиани в моноспектакле «Я – Николай Гумилев!»

«Я ПРИШЕЛ ИЗ ДРУГОЙ СТРАНЫ...»

■ **Нина ШАДУРИ**

С 1 по 10 октября 2017 года в Москве прошел юбилейный X Международный театральный фестиваль моноспектаклей Solo. В программе фестиваля, организаторами которого традиционно выступают Театральный центр «На Страстном» и Союз театральных деятелей России, было представлено 18 прошедших строгий отбор спектаклей из Великобритании, Германии, Греции, Грузии, Италии, Польши, России, Франции.

Впервые Тбилисский государственный академический русский драматический театр им. Грибоедова принял участие в Solo восемь лет назад. Тогда, в 2009 году, Валерий Харютченко с большим успехом представил на сцене Центра «На Страстном» свой моноспектакль «Мне скучно, бес... Чур-чур меня!» по мотивам произведений А. С. Пушкина.

И вот – «второе пришествие» Грибоедовского театра на один из самых авторитетных

фестивалей моноспектаклей в мире. На этот раз – с поэтической фантазией «Я – Николай Гумилев!». Режиссер-постановщик, автор сценической версии и музыкального оформления – Левон Узунян. В главной роли – Иванэ Курасбедиани.

Грибоедовцы, что уж тут скрывать, провожали коллег с волнением. Да и сами гастролеры нервничали. Как выяснилось, волнения были напрасны.

Сказать, что спектакль прошел удачно, в данном случае – не сказать ничего. Это был триумф. Сразу после показа посыпались, как из рога изобилия, восторженные отклики московских зрителей.

Приведем хотя бы два отзыва из многих. Судите сами.

«Вчера мне повезло побывать на прогоне спектакля Тбилисского русского театра им. А.С. Грибоедова «Я – Николай Гумилев». Постановка Левона Узуняна не совсем обычна. Здесь нет сплошной поэзии. Действие построено на невидимом диалоге вымышленного

персонажа – Котэ Каландадзе – с поэтом. Вымышленный он хотя бы потому, что вместо самого Николая Степановича зритель видит его последнее пристанище – тюремную камеру. Этот невидимый диалог проводит нас через всю жизнь Гумилева – и с помощью документов, и с помощью стихов Гумилева. Почему Каландадзе? Три года Николай Гумилев жил в Тифлисе и учился в местной школе. И у него, конечно, мог быть одноклассник, не правда ли? Фамилия вымышленного одноклассника тоже не случайна. Те, кто хорошо знает Москву, и не менее хорошо помнит историю, знает, что в Москве, на Лесной улице, существовала подпольная типография РСДРП Мириана Каландадзе в лавке под вывеской «Оптовая торговля кавказскими фруктами Каландадзе»... Диалог друзей, диалог палача и жертвы. Но палачи уходят в забвение, а великие поэты остаются в нашей памяти. Об этом спектакль, об этом играл молодой грузинский артист

Иванэ Курасбедиани – яркий, в меру нужного эмоциональный, глубоко чувствующий поэтический слог артист! Но мои дифирамбы в адрес Иванэ на этом не закончатся, ибо я не могу не отметить блестящую, чистую, внятную, четкую русскую сценическую речь в исполнении моего ровесника (чуть за 30)! Такой речи я от многих московских молодых артистов давно не слышала... Не могу не сказать двух слов о режиссере. Поскольку я была на прогоне, а не на самом спектакле, то мне немножко была доступна «кухня». Левон Узунян потряс меня своим почти священным отношением к фигуре Артиста! Уважение, любовь, внимание к любой идее Иванэ со стороны Левона просто восхитили («Я тебе покажу, но так хорошо, как ты, Ванечка, я не сделаю»)! Это вам не крики Гончарова. Присутствовало настоящее со-творчество, ставшее залогом успеха спектакля. Говорят, вечером в Палатах стояли в дверях, чтобы приобщиться к прекрасному! Браво, Тбилиси! Браво, грибоедовцы! Спасибо!» (Александра Авдеева).

«Волновалась ли я, идя в старинный зал Боярских палат, на спектакль, на который я мечтала попасть в Тбилиси, но который, словно исполнение заветной мечты, приехал в Москву? Да, я волновалась. Тем более, что имела счастье познакомиться с предыдущей работой Левона Узуняна – спектаклем «Мне Тифлис горбатый снится...». Моноспектакли в камерных залах – это особая

атмосфера полного погружения в пространство спектакля, и тем ярче триумф или громче поражение. В случае со спектаклем «Я – Николай Гумилев!» триумф оказался настолько ошеломляющим, что приходиться в себя я начала лишь спустя полчаса после того, как смолкли последние аплодисменты и крики «браво!». Благодаря бесспорному яркому таланту и интуиции обоих – Левона Узуняна и Иванэ Курасбедиани, удалось найти идеальный вариант подачи материала, при котором все происходящее на сцене воспринималось не как «поэтическая фантазия», а как реально существовавшая действительность. Мало того, все время казалось, что и сам Гумилев каким-то образом вот-вот обозначит свое присутствие на сцене. И он, конечно, присутствовал! Особенно в стихах, которые блестяще и с упоением читал Иванэ Курасбедиани. Читал без тени грузинского акцента, читал с таким блеском в глазах, что я почти не сомневалась, что сам Гумилев читал эти строки вместе с ним! Во время «Трамвая» мороз бежал по коже и кружилась голова, хотелось вскочить и выкрикивать, выкрикивать эти слова вместе с ним! Весь зрительный зал в абсолютной тишине в каком-то едином порыве двигался вслед

На обсуждении

за героем, чтобы увидеть, куда он упал, или рассмотреть, как он моет руки, берет чайник и пр. Зал был загипнотизирован Иванэ Курасбедиани, словно змея факиром, с первой же секунды его появления на сцене... Браво! Этот спектакль из тех, которые можно смотреть раз десять. Правда. В нем ничего лишнего, ничего нарочитого. Сжато, лаконично, мощно и очень, очень глубоко!» (Ольга Сорокина).

Конечно, мы не могли не задать несколько вопросов автору спектакля – Левону Узуняну.

– Нас ждали – это самое главное. Даже кураторы фестиваля говорили – давно к нам не приезжал театр из Тбилиси. И с самого начала отношение к нам было доброжелательное и с чувством «наконец-то!»... Прежде всего надо отдать должное Ване Курасбедиани – он провел этот спектакль блестяще, просто блестяще!

– Зал в Боярских палатах сыграл на руку спектаклю?

– Абсолютно. Это нестандартный зал, андерграунд, подвал. И все сработало. Даже световые прожектора, часть которых располагалась на сцене, не мешали, а помогали. Сама сценическая площадка – узкая, и начало спектакля пришлось слегка трансформировать. Мы

Левон Узунян и Иванэ Курасбедиани

вывели Ваню из боковой ниши, и это тоже сработало на пользу. Я посоветовал Ване: «Не выходи сразу. Стой и думай – стоит тебе начинать или нет. Держи паузу». То есть это было сыграно Ваней дополнительно. Понимаете, все зрители ждали – сейчас выйдет грузин и заявит, что он Гумилев. А тут артист стоит, стоит, молчит... Потом медленно пошел... Ваня с самого начала взял зал и держал его до конца. Публика боялась дышать – это я совершенно серьезно вам говорю. Не говоря уже о каких-то покашливаниях. Стояла оглушительная тишина. Зрители были в оцепенении, могу сказать это с гордостью. Час пролетел как одно мгновение. И когда закончился спектакль, аплодисментов не было. А когда снова зажегся свет и появился Ваня, зал взорвался! Конечно, в этом успехе велика заслуга самого Николая Гумилева – ведь ждали не только нас, но и Гумилева. И Николай Степанович помогал нам – сработала его личность, его харизма. И не дала нам возможности отступить. Кроме того, невероятно прозвучали стихи. Сами зрители потом говорили нам об этом эффекте: смотришь, думаешь, понимаешь, что это не Гумилев, но как только Ваня начал читать стихи, происходила моментальная трансформация, и тут же менялось восприятие – да нет же, это Гумилев, сам Гу-

милев! Более того, начинаешь ощущать, что и ты сам – тоже Гумилев.

– **Был аншлаг, не так ли?**

– В этот день в Москве шел проливной дождь, но в зал набилось в два раза больше людей, чем он мог вместить. Зрители шли и шли...

– **Фестиваль Solo знаменит тем, что там после показа зрители в формате открытого микрофона обсуждают спектакль с его создателями. Как прошло обсуждение у вас?**

– Как я понял, у театроведов, которые пришли на спектакль «Я – Николай Гумилев!», были заранее заготовлены вопросы. Нас собирались загнать в угол, потому что предполагали, что выйдет на сцену актер, скажет «я – Николай Гумилев», и тут они достанут свои вопросы, и начнется охота. Но не тут-то было. Такого хода, который использован у нас в спектакле, они не ожидали. И смотрели, что называется, с нуля, с чистого листа. Как мне сказали редакторы фестиваля, такое на Solo бывает крайне редко – чтобы на обсуждении не было задано ни одного скользкого или каверзного вопроса. Мы слушали только восхищенные, восторженные отзывы. Кстати, прозвучали упреки в адрес администрации фестиваля: почему спектакль показали всего один

раз и почему его не поставили в конце – таким спектаклем надо завершать фестиваль!

– **Каково создателю спектакля ощущать себя триумфатором?**

– Я даже боялся зафиксировать это состояние. Знаете, что самое интересное в этом? Понимание того, что планка поднята. И поднята очень высоко. Такой успех – очень большая ответственность. Хочется двигаться дальше, делать следующий шаг, не бояться эксперимента. Но возможности потерпеть поражение уже нет. Мы не имеем права сделать назад даже один шаг. Идти надо только вперед.

– **Как вам кажется, каково реальное значение театральных фестивалей?**

– Оно очень велико. Прежде всего, потому, что это оценка. Одно дело, когда играешь дома, где и стены помогают – здесь все свои, относятся достаточно терпимо и снисходительно. А когда играешь за рубежом, на постороннюю публику, тогда и проявляется, что ты действительно сделал, чего достоин. Тем более, что тебе дается одна попытка – пан или пропал. Не имеет значения, кто сидит в зале – журналисты, театроведы или обычная публика. Ответственность все равно огромна.

– **Если бы вас перед отъездом в Москву попросили представить себе идеальный показ вашего спектакля – вы бы представили себе его именно таким?**

– Спектакль прошел гораздо лучше, чем я мог вообразить. Я не ожидал такого, честно говоря. Знаете, я думал, что Москва стала жестче, холоднее, а она, оказывается, ждет большого искусства. Я не говорю, что мы его дали, но какую-то дверцу, за которой – Николай Гумилев, все-таки открыли.

Светлана Картунова в спектакле «Преступление актрисы Марыськиной»

БЫВШИХ АКТРИС НЕ БЫВАЕТ

■ **Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ**

Нынешним летом на Международном театральном фестивале «Русская классика» в Лобне приз «За лучшую женскую роль» в спектакле «Преступление актрисы Марыськиной» по рассказу А. Аверченко получила Светлана Картунова. Бескомпромиссная Лана Гарон встала и объявила: «Мы присутствуем при рождении второй Фаины Раневской!»

Светлана Картунова – актриса, педагог, председатель русского театра ЕССР – Exrcesion de cultura classica hersonal в Испании. Мы познакомились в Санкт-Петербурге, на проекте «Здравствуй, Россия!», куда Светлана привезла группу детей соотечественников из Испании, а автор этих строк, соответственно, – из Грузии. Ну и как было не поговорить?

– Я родилась в Уссурийске. Училась во Владивостоке, в Дальневосточном институте искусств у замечательного мастера Альберта Яковлевича Мамонтова. Наш курс был экспериментальным: мы учились и во Владивостоке, и в Москве, в

ГИТИСе. Студенткой четвертого курса уже играла в Дальневосточном военном театре. Потом работала в Воронеже, Борисоглебске. А затем приехала в родной город проведать маму, да так и осталась в своем Уссурийске. Служила актрисой в

Светлана Картунова

драматическом театре, потом меня и директором театра назначили. И я работала до 2002 года. А затем супруг уехал по делам в Испанию. Вскоре я взяла сумку, полную туфель, и уехала вслед за ним. Меня с легкостью взяли в местный театр. Но... Текст-то я могла выучить, а вот играть из-за языкового барьера все-таки было трудно – я не понимала режиссерских задач. И в конце концов организовала свой театр – русский театр «Маска». Мы начали выезжать со своими спектаклями по всей Испании, ездить за рубежом. А потом настал момент, когда стало ясно: нужен детский русский театр. И все, кто говорит по-русски, потянулись

туда, эмигранты, которые хотят сохранить язык, испанцы, мечтающие выучить русский. В нашей студии занимаются, играют и дети, и взрослые.

– Как вы строите ваши занятия?

– Как в театральном институте. Очень важна техника речи. Все хотят микрофон на ухо нацепить и так играть. Категорически нет! Нужно, чтобы дети умели говорить и чтобы их было слышно. Занимаемся пластикой, вокалом. Ставим сказки, классику – Лопе де Вега, Чехова, Бунина... Шестой год пошел, как я занимаюсь с детьми. Когда мы начинали, нашим ученикам было от восьми до двенадцати. А сейчас у нас группы с 3-х до 6-ти, с 6-ти до 12-ти, с 12-ти до 18-ти. Даже мамы моих учеников создали свою группу – хотят играть. Вы-

Бывших актрис не бывает

пускников в нашей школе быть не может – никто не хочет покидать сцену.

– Что дают эти занятия? Ведь не все ваши ученики станут актерами.

– К нам приходят не только затем, чтобы учиться на артиста. Кто-то стеснительный и хочет преодолеть свою застенчивость, кто-то хочет таким образом учить язык. Я принимаю всех. И играют у меня все. Мои ученики хорошо адаптируются в классе, в школе. Их замечают, они становятся лидерами. Они лучше учатся в школе, лучше запоминают, хорошо пишут сочинения, выигрывают конкурсы, сами что-то придумывают. Вообще это очень влияет на общественную адаптацию.

– Разве стеснительный человек способен избавиться от этого качества, играя в театре? Говорят, это пожизненный диагноз.

– Способен. Больше скажу – некрасивые застенчивые девочки просто расцветают в театре, избавляются от комплексов. У меня Золушку сыграла девочка – ну просто гадкий утенок. И превратилась в прекрасную принцессу.

– А почему вы ее выбрали на эту роль?

– У нее было огромное желание. Знаете, бывают гении, а бывают трудяги. Все любят гениев, а я – только трудяг. На них можно положиться, они никогда не подведут и все сделают, как нужно.

– А где сами отвели душу как актриса?

– В «Преступлении актрисы Марыськиной» по Аверченко. В этой роли обычно комикуют, а мне режиссер поставил другую задачу, очень интересную: все всерьез. С меня сняли все утяжки, даже наоборот, утолстили. В Лобне мы играли на испанском, а я как рванула на русском! И танцевать пошла! Знаете, когда публика в вос-

торге тебе аплодирует – ради этого стоит жить... Кстати, после фестиваля «Русская классика» в Лобне нас с этим спектаклем пригласили на «Золотой Витязь». В апреле следующего года поедем в Мадрид, на фестиваль русской классики.

– Да, самостоятельностью вас, наверное, уже не назовешь.

– Этот спектакль поставлен профессиональным режиссером Марией Пассеро. Там заняты два профессиональных актера. А наши непрофессиональные актеры играют с таким живым чувством, что получается просто здорово! Считаю, что приз «За лучшую женскую роль» получила благодаря коллегам. Без их желания, открытости, чистоты, незаштампованности у нас ничего бы не получилось.

– Вернемся к началу – как вы стали актрисой?

– Актеров у меня в семье не было. Но я, начиная с детского сада, всегда что-то играла, представляла. Потом проявились и задатки руководителя – была и старостой, и комсоргом. Однажды на улице какой-то дяденька у меня спросил: «Хочешь в театре выступать?» И взял меня в массовку в спектакль «Дядюшкин сон». Я в тот год как раз оканчивала школу... Ну, а если кто хоть раз вошел в театр, то это навсегда.

– И вы решили стать актрисой?

– Только актрисой. Хотя все вокруг говорили – ты себя в зеркале видела? Какая из тебя актриса? А у меня реакция – как это так? Я – танк, пробью любую стену!

– И пробрили?

– Не сразу. В первый год меня не взяли. Я читала Наташу Ростову, Джульетту. И мне сказали, что Джульетты такие не бывают.

– Как будто кто-то ви-

дел фотографию настоящей Джульетты!

– Вот. Так я еще и спорить кинулась: нет, бывают такие Джульетты! В комиссии сидел Мамонтов, который сказал: на следующий год я возьму ее к себе на курс. И взял. Он набрал курс и не ошибся ни в ком. Например, Ольга Дроздова не могла поступить два года, а Мамонтов взял ее к себе, сказав: «Эти глаза мне нужны».

– Как учились?

– Понимаете, на курс поступают 25 звезд. В себе несколько не сомневаются, все – абсолютно уверенные в себе. И их начинают ломать.

– Надо ли ломать?

– Надо. Кто выстоял, у того и получилось. Будущего актера приучают к тому, чтобы он потом стал куклой в руках режиссера. Он должен слушать и точно выполнять режиссерскую задачу. Если тебе говорят – делай так, а ты начинаешь спорить, значит, ты не актер. Не согласен – предлагай свое. Если актер требует «скажите, что мне делать», он не хочет трудиться. Или вредничает. Это известные актерские штучки – ах, вы мне не дали сверхзадачу, ох, вы меня не убедили. Режиссер ничего не должен актеру давать. Режиссер объяснил, а всему остальному актера учили в институте. Давать должен актер.

– А вы спорили с режиссерами?

– Нет. Я – пластилин.

– Такой и остались?

– Да. Даже когда стала директором театра, осталась послушной актрисой. Слово режиссера для меня – закон. Но если мне скажут: в этот момент ты уходишь вправо, я не смогу просто уйти вправо. Я должна знать, почему я ухожу вправо – чтобы кого-то спасти, или в туалет, или вспомнила что-то... Публика – не дура, она чувствует, когда ты пустой, когда обра-

нываешь.

– А почему актеры порой пытаются «съесть» режиссера, особенно новичка?

– Из вредности. Из глупости. Иногда даже между собой договариваются... Я помню, мы студентами сидели на репетициях Эфроса и видели, как актеры его просто изводили, убивали.

– Вы Таганку имеете в виду?

– Да. Я не понимала, почему один очень известный актер десять раз подряд не мог войти и закрыть дверь так, как его об этом просил режиссер. Эфрос в концов концов упал – сделал шаг назад, оступился и рухнул на пол... Они его очень мучали, даже те, кто остались: «Вы нам ничего не объясняете!» Вообще, актеры резкие люди. Живут одним днем.

– Недавно один режиссер мне говорил – во всем надо исходить из актера. Режиссерский мир – простой, а актерский – невероятно сложный.

– Замечательно! Когда я была директором театра, то никто не мог понять, почему я актеров холю, лелею. Да потому что я сама оттуда, и знаю, что актеры – дети. Их хвалить надо. А если и ругать, то только хваля. Наверное, актеры – все-таки необыкновенные люди. Очень-очень ранимые. Зачем их обижать? Их беречь надо.

– Предлагаю завести Красную актерскую книгу, и заносить туда всех актеров поименно.

– Согласна!

– У вас две дочки...

– Старшая выросла в театре, но быть актрисой никогда не хотела. Стала шеф-поваром по десертам. А вот младшая – играет. И даже «звездит».

– Какая вы мама?

– Не знаю. Я не умею вос-

питывать. Младшая дочь росла на моих глазах. А когда росла старшая, я практически все время была на гастролях. Ее вырастил папа.

– А вы, видимо, сами того не замечая, воспитывали ее личным примером – надо много работать.

– Да, может быть... Она действительно очень много работает и говорит – мама, я все для тебя сделаю, ты ни в чем не будешь нуждаться... Я иногда слышу истории, в которых дети обижены на своих мам, которые много работали. Мне это очень странно – как можно обижаться на человека, который работает?

– Что вы сами себе пожелаете?

– Чтобы дети были молодцы. Чтобы мама не болела.

– Пойдите, а себе?

– Так это же и себе! Если им будет хорошо, то и мне будет здорово. А еще – очень хочу играть в кино.

Василий Габашвили

СВЕТЛЫЙ ТАЛАНТ

Василию Габашвили дана замечательная способность вносить светлую ноту в любой образ, даже самый драматический. Видимо, самому артисту настолько свойственно смотреть на мир по-доброму, что он поневоле переносит эту черту и на своих персонажей. Наверное, именно поэтому Василию доверяют играть самых добрых героев в спектаклях для юных зрителей – Артура Грея в «Алых парусах», Принца в «Золушке» и, конечно, Чиполлино в знаменитом одноименном музыкальном представлении Грибоедовского, которое на протяжении десяти лет неизменно собирало аншлаги, и в этом велика была заслуга исполнителя заглавной роли. А ведь детей не обманешь, они точно чувствуют, кто выходит на сцену играть героя – добрый артист или не очень. Василия дети

очень любят и верят ему безоговорочно.

Впрочем, с такими же чувствами относится к нему и взрослая публика – как завзятые театралы, так и неискушенные зрители. Разве что в данном случае к доверию добавляется и уважение к мастерству.

Василий Габашвили – один из самых востребованных артистов театра. Достаточно обратиться к премьерам Грибоедовского последних лет. Актер задействован в «Ревизоре» и «Игроках» Н. Гоголя, в спектакле «Водевиль, водевиль!» по знаменитой «Соломенной шляпке», в «Нахлебнике» И. Тургенева. Недавно ему была

доверена и главная роль – Николая Шаблова в «Поздней любви» А. Островского.

Думаете, Василий, имея такой послужной список, считает себя уже сложившимся актером? Нет, он из тех, кто стремится учиться – каждый день, всегда. И сегодня за его плечами не только диплом Грузинского государственного университета театра и кино, но дипломы участника Международной Летней театральной школы СТД РФ, Международного форум-фестиваля «Артмиграция».

30 лет для артиста – это начало начал. Пожелаем Василию Габашвили побед и свершений на его творческом пути!

ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ

Перевод Гины Челидзе

КОТОРЫЙ ЧАС?

Еще рассвет не наставал,
Бессонницей в висках стучась,
Покоя не дает тоска.
Который час? Который час?

В оконной мгле лишь ветра вздох
И мокрых листьев дикий пляс,
Быть может, нет еще и трех...
Который час? Который час?

Два или три – мне невдомек,
Как будто свет навек погас.
Звучит тринадцатый гудок
Со станции... Который час?

А длинный коридор, как сон,
Сквозь сумрак воспаленных глаз...
Вдруг телефона нервный звон.
Который час? Который час?

Осенний дождь все льет и льет,
Потоками в стекло стучась.
И все никак не рассветет...
Который час? Который час?

Бодлер сказал бы: «Пьяных грез,
Очарованья горький час».
Так отвечал он на вопрос –
Который час?

1914

ЭДГАР В ТРЕТИЙ РАЗ

Было нас двое, шли мы к собору,
Звон колокольный. Вечер был светел.
В странной дороге нашей, Ленора,
Ветки ломая, всхлипывал ветер.

Но окрыленно мы, словно к победе,
Шли, нам сияло беспечности знамя,
Вдруг неожиданно кто-то третий,
Кто-то уродливый встал между нами.

Голос чужой, шепот сдавленный чей-то
Глухо пророчил час гибели скорой,
Слушая визг ошалелого ветра,
Мы приближались втроем к собору.

1915

ПАДАЛ СНЕГ НА АЛЛЕИ

Падал снег на аллеи,
Черный гроб пронесли,
Разметал и развеял
Ветер снежные крылья.
По пустынной дороге,
По дороге безликой
Снова гроб одинокий...
Ворон ворону крикнул:
«Ты лети поскорее,
Расскажи поскорее!..»
Падал снег на аллеи.

1916

Луна рисует узор неясный,
А песню тари* доносит ветер,
На этом свете все так прекрасно
И все так грустно на этом свете.

О смолкни, тари, довольно литься,
Вдогонку мчаться за лунным светом.
Струна струится... Воды б напиться,
Родник я вижу, воды в нем нету...

**Тари – восточный смычковый инструмент*

Ветер стих, стихли волны кипучие,
В море падает солнце, и луч его
Цвета золота самого лучшего...
Тусклый луч заходящего солнца...

Дальний отблеск янтарного зарева,
Неба дар, я гляжусь в этот дар его.
Рассыпается нитью янтарною
Тусклый луч заходящего солнца...

Думы светлые, ветром гонимые,
Думы, ставшие пеплом и глиною,
Что спешите так неумолимо вы
За лучом заходящего солнца?..

Бывший Дом офицеров на пр. Руставели

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

В уже далекие 1960-е годы, когда только на проспекте Руставели было пять кинотеатров, мне, семикласснику, показали достопримечательность одного из них – в окружном Доме офицеров. Там после окончания сеанса зрители выходили через маленький дворик, в глубине которого и было это знаменитое место – каморка, где когда-то ютился с семьей дворник Вартан Петросян. В 1949-м его сын Тигран, тоже изрядно помахавший метлой, отправился отсюда в Москву, чтобы шесть лет носить звание девятого чемпиона мира по шахматам, стать четырехкратным чемпионом Советского Союза. Об этом сейчас напоминает мемориальная доска на стене бывшего Дома офицеров.

Будущий международный гроссмейстер, четыре раза возглавлявший сборную СССР, родился в 1929 году, он – младший, третий ребенок в семье, которой живется ох как нелегко.

В тяжелые 1930-е и в военные годы жизнь учит его не только преодолевать трудности, но и предугадывать их, рассчитывать свои действия намного вперед, довольствоваться малым, чтобы в конце концов добиться большего. Именно это и наложило навсегда отпечаток на стиль его игры за черно-белой доской. Стиль, в котором главное – максимальная надежность. У соседей мальчик учится традиционным для тбилисского дворника нардам, в которые играет великолепно, и шахматам, ставшим для него поистине лучом света в нелегком детстве. И так увлекается ими, что просто не может не пройти двести метров до Дворца пионеров, в котором шахматным кружком руководит неоднократно чемпион Тбилиси и Грузии, участник чемпионата СССР 1937 года, мастер спорта Арчил Эбралидзе. Первый наставник Петросяна – поклонник осторожного аса позиционной игры Хосе-Рауля Капабланки,

головоломные комбинации считает авантюрой. И Тигран тоже отказывается от риска, от остроты, показывая не по годам зрелую позиционную игру.

А тут – война. Уходит на фронт старший брат, умирает мать, и четырнадцатилетний Тигран начинает работать помощником киномеханика. Еще через год не стало отца, и парень сменяет его с метлой на проспекте Руставели. Через много лет, увидев молоденького дворника у Центрального шахматного клуба СССР на Гоголевском бульваре в Москве, гроссмейстер Петросян скажет гроссмейстеру Багирову: «А знаешь, Володя, вот так же когда-то и я работал метлой. Да, тяжелое было время, военное, – и работать приходилось, и учиться, и шахматами заниматься».

В снежную зиму 1944-го юный Тигран ночью убирает снег, утром, после работы, пораньше приходит в школу и сидит в пустом классе за расчер-

Семья Петросян. Крайний слева – будущий девятый чемпион мира

ченной картонкой с самодельными фигурами. А вечером – доски с настоящими шахматами, уже не только в кружке Дворца пионеров, но и на различных турнирах. В одном из них, городском первой категории, он занимает второе место среди взрослых. И все обращают внимание на то, что парнишка стремится к успеху не жертвами фигур и сложными комбинациями, как остальная молодежь, а высокой техникой, упорной защитой и дальновидной оценкой позиции соперника. Помимо уроков Эбралидзе в этом помогает купленный на отложенные копейки первый шахматный учебник – книга Арона Нимцовича «Моя система на практике».

В общем, не переставая места проспект, он уже становится известным в шахматных кругах. А потом с 1945 по 1949 годы побеждает во «взрослых» чемпионатах Грузии и Армении, дважды – на юношеских первенствах СССР в Ленинграде, выигрывает в родном городе Всесоюзный турнир кандидатов в мастера, в Ташкенте – турнир, посвященный 25-летию Узбекской ССР. В Тбилиси становится вторым в полуфинале 17-го чемпионата СССР и в турнире шахматистов Закавказских республик. Его уже нельзя не заметить из Москвы, которая привыкла собирать у себя все лучшее в спорте. И в 1949-м Петросяна приглашают туда играть за «Спартак». Он уезжает уже в звании мастера, уже выступив в финале первенства СССР. Правда, там он неудачно сыграл с лучшими шахматистами страны, но вспомним: это соревнование осталось несбыточной мечтой для сотен

мастеров.

Он появляется в столице со всем своим имуществом: легким пальто, летними туфлями, связкой книг. И с репутацией юного провинциала без особых претензий. Рекомендовавший его спортивный функционер так и заявляет: «Ему совсем немного нужно – билеты на футбол и деньги... на мороженое». Так что поселяют Петросяна на тренировочной базе футболистов «Спартака» в Тарасовке. А отсюда до центра Москвы – больше тридцати километров. Вот и вспоминал гроссмейстер Андор (Андрэ) Лилиенталь: «Мы познакомились с ним в одном из московских шахматных клубов. Последние посетители расходились ближе к полуночи, и я сказал Тиграну: «Пошли по домам». Он вдруг как-то засмутился: «Да я, вообще-то, остаюсь». И тут выяснилось, что живет он в клубе, спит прямо на столе».

Потом ему дают маленькую

Юный Тигран Петросян за доской

двухкомнатную квартиру на окраине Москвы. Он уже женат – на уроженке Киева Роне Авинезер, с которой встретился вскоре после приезда в столицу. Она старается организовать жизнь шахматиста так, чтобы он мог добиться наибольших успехов. А тут на Петросяна «кладет глаз» ЦСКА – Центральный Спортивный Клуб Армии. Военная верхушка, которая в России всегда могла очень многое, любит шахматы и за переход в свой клуб гарантирует ключи от прекрасной четырехкомнатной квартиры в престижном районе Москвы. Естественно, Рона Яковлевна в восторге: «Конечно же, соглашайся! Наконец-то у тебя будет отдельный кабинет». Но в ответ слышит: «Сегодня ради лучшей квартиры я перейду из «Спартака» в ЦСКА, а завтра встречу лучшую женщину и уйду от тебя к ней. Как бы ты на это посмотрела?» И супруге ничего не остается, как самой заняться улучшением их жилищных условий.

Кстати, ту самую первую, крохотную московскую квартиру Петросян получил лишь после успехов под спартаковским флагом: он делит второе-третье места на чемпионате СССР 1951 года и в межзональном турнире в следующем году, получив за это звание международного гроссмейстера. В 1953-м в турнире претендентов становится пятым среди восемнадцати лучших гроссмейстеров мира, в следующие два года в составе сборной СССР успешно выступает в матчах против сборных команд Аргентины, Уругвая, Франции, США, Англии, Швеции

Первый для Тиграна чемпионат СССР

и Венгрии, показывает лучший результат в розыгрыше командного кубка СССР. Так он прорывается в число сильнейших шахматистов планеты. Говорят, что статистика скучна. Но, уверен, это не касается того, чего добился Тигран Петросян под девизом: «Безопасность – прежде всего!». Судите сами:

Восьмикратный чемпион Европы в командных состязаниях. В шести первенствах Советского Союза ни разу не проиграл, а в четырех стал победителем. На десяти Всемирных шахматных Олимпиадах выступал за сборную СССР и в 130 партиях показал феноменальный результат – 79 побед, 50 ничьих и всего лишь одно поражение. На девяти таких Олимпиадах он был в составе победителей. В разные годы становился первым на престижнейших международных турнирах в Копенгагене, Сан-Антонио, Лон-Пайне, Лас-Пальмасе, участвовал в Белграде в легендарном «матче века» советской сборной против сборной мира. А в 1962 году сыграл 60 партий с лучшими шахматистами мира и ни одной не проиграл. В том числе в тяжелейшем, в четыре круга, турнире претендентов на острове Кюрасао. Победив там, он получил право на матч за звание чемпиона мира с Михаилом Ботвинником. Этот поединок в 1963-м стал главным в жизни Тиграна Вартановича.

К этому матчу тридцатичетырехлетний гроссмейстер приходит с четвертой попытки, добиться успеха на предыдущих претендентских турнирах не удавалось. Теперь, выйдя в финал, он триумфально заканчивает двухмесячное сражение с первым советским чемпионом мира, пятнадцать лет удерживавшим шахматную корону. Счет 12,5:9,5 в пользу Петросяна. «Новый чемпион мира обладает удивительным стилем игры; прежде всего он беспокоится о своей безопасности, о лишении своего противника способности нападать. Делает он это артистически, без всякого напряжения, попросту интуитивно... Я не сумел приспособиться к Петросяну, и мне не удалось «вытащить» его из привычных дебютных схем и позиций», – признался Ботвинник по окончании матча. А в другом интервью сказал: «Среди всех наших шахматистов Петросян обладает самым самобытным и оригинальным талантом».

Армяне всего мира и до этого боготворили Петросяна. Достаточно вспомнить матч СССР-Аргентина 1954 года в Буэнос-Айресе, где встречавшие советских шахматистов армяне прорвали полицейский кордон и на руках вынесли своего кумира из самолета. А гроссмейстер Марк Тайманов вспоминал: «На обратном пути в Уругвае в честь советской делегации, но, конечно же, в честь Тиграна, состоялся банкет в армянском клубе имени маршала Баграмяна. В разгар пиршества один из гостеприимных хозяев стал обмерять обувь у наших шахматистов. Итогом этой странной операции явились великолепные ботинки, сшитые для каждого члена советской команды». Согласитесь, это напоминает сюжет фильма с бурной фантазией сценариста: клуб имени маршала Баграмяна в далеком Монтевидео, обувь, в течение банкета сшитая точно по размерам разных людей... Впрочем, у Тайманова есть и другие замечательные истории.

Лавровый венок девятому чемпиону мира

Ефим Геллер и Тигран Петросян

История первая: «За год до того, как Тигран стал чемпионом мира, мне вместе с другими шахматистами посчастливилось быть его гостем в Ереване. Прекрасно помню первый вечер в оперном театре. Зал полон, мы на почетных местах, свет гаснет, и спектакль начинается. Музыканты сыграли вступление, занавес поднялся, и вдруг внезапно звуки оркестра смолкли, а в зале зажглись все люстры. Оказывается, Тигран с женой Роной чуть запоздали. Зрители, как по команде, вскочили с мест, разразились приветственными овациями, и только после того, как Петросяны торжественно прошли в ложу, все снова пошло своим чередом. Зрители утихли, свет погас, дирижер дал знак оркестру, и опера зазвучала с... самого начала».

История вторая: «Тигран пригласил меня на вечер к знакомым, в дом за городом, и добираться туда было довольно далеко. «Возьми такси, а там, чтобы не плутать, я выйду и встречу», – предложил Тигран. Подъехали, я было достал кошелек, чтобы расплатиться, но таксист неожиданно отстранил мою руку: «Я вижу, что вас ожидает Тигран Петросян. А с друзей великого шахматиста я денег не беру».

История третья: «Во время завтрака в гостинице, где мы все жили, в ресторан вошла живописная группа старцев в национальной одежде. Медленно прошествовав к столику Тиграна, они почтительно обратились к нему. Я сидел довольно далеко и мог видеть лишь реакцию улыбающегося Тиграна. Он о чем-то поговорил с пришедшими, и довольные пожилые люди, чопорно распрощавшись, покинули зал. Я поинтересовался у Тиграна о цели визита делегации. Он, не скрывая удовольствия, объяснил: «Это старейшины небольшого горного селения. Там любят шахматы, и жители делегировали самых достойных односельчан, чтобы задать мне три важных вопроса. Первый: сколько ферзей может иметь один игрок? Второй: сколько нужно дать шахов, чтобы был «вечный шах»? И третий: получает ли король пешку, если доберется до последней линии?» Чтобы дать ответы на эти вопросы, достаточно играть на уровне третьего разряда. Но подозреваю, что посланцы гор имели гораздо более серьезное поручение: повидать Тиграна, побеседовать с ним и доложить односельчанам, как он там...».

Ну, а на матче за шахматную корону соплеменники посыпали лестницу перед Петросяном святой

землей из Эчмиадзина. Когда он, увенчанный чемпионским лавровым венком, поднялся на сцену московского Театра эстрады, где проходил матч, ему немедленно вручили ключи от машины. Грузинские же болельщики довольствовались тем, что подарили картину, но об этом разговор позже. А пока еще раз вспомним супругу девятого чемпиона мира.

Есть знаменитая история о том, что в 1952 году кроме Петросяна за Роной ухаживал другой выдающийся шахматист, Ефим Геллер. А она долго не давала понять, на ком остановит выбор. Когда оба уезжали на межзональный турнир в Швецию, ее еще раз спросили, кому же она отдаст предпочтение, и ответ был краток: «Межзональный

Тигран и Рона на отдыхе

покажет». В том турнире Петросян набрал на полочка больше, чем Геллер... Впрочем, потом Рона Яковлевна рассказала, что они с Тиграном Вартановичем решили пожениться еще до его поездки в Швецию. Петросян стал ее вторым мужем и сына от первого брака Мишу любил не меньше, чем общего с Роной сына Вартана.

Жили они очень дружно. Оставив работу переводчицы с английского, Рона Яковлевна полностью посвящает себя мужу, освободив его от всех житейских хлопот: «Он очень рано лишился родителей, и когда мы с ним поженились, появилась семья, появился дом, он очень им дорожил. Это было для него крепким тылом, и не потому, что я была очень хорошей, а потому что он был счастлив в своем доме, с детьми». Но семейным теплом и заботой она не ограничивается, шахматисту очень помогают ее недюжинные организаторские способности и умение общаться с влиятельными людьми в «верхах». Это имеет огромное значение,

Тигран и Фидель Кастро

ведь в Советском Союзе шахматы – часть государственной политики. Помните, как Петросян отказался от четырехкомнатной квартиры? Его жена берет решение вопроса в свои руки, и, в итоге сложных комбинаций, семья переезжает в апартаменты на Пятницкой. «Петросян умеет менять только слоны на коней. Все остальное меняет его жена!», – отзывается на это гроссмейстер Александр Котов.

Впрочем, Петросян в этой квартире практически не бывает, он покупает дачу на Рублево-Успенском шоссе. И хотя тогда это место не было столь престижным как сейчас, все равно приходится влезть в большие долги. Зато можно было работать в собственном кабинете и хранить в нем подарки со всего мира – золотые и палисандровые шахматы, серебряные чеканные блюда и кувшины, декоративное инкрустированное оружие. Жена создает ему максимум удобств, помогает преодолеть трудности во время шахматных поединков. Так, во время тяжелого доигрывания одной из партий матча с Борисом Спасским, она заставляет мужа на несколько часов отвлечься от переживаний о неиспользованном выигрышном ходе, симулировав болезнь. И Петросян полностью переключается на ее лечение. Видя, что муж порой попадает в неловкие ситуации из-за того, что у него нет вузовского диплома, Рона Яковлевна буквально заставляет его сдать экстерном экзамены, а затем и защитить диссертацию кандидата философских наук на тему «Некоторые проблемы логики шахматного мышления».

«Характер у него был тяжелый, но на меня этот характер не распространялся, – вспоминала она. – Он, скорее всего, распространялся на него самого. Он все болезненно воспринимал, и внутри, как мне кажется, до какой-то степени себя истязал. Он совершенно не переносил предательство, хамство, бескультурье». Сам Петросян признавался, что никогда не добился бы успеха без поддержки

жены, но она однажды так заявила журналистам: «Конечно, все в доме было очень организовано – и питание, и режим. Все. Это верно. Но главным был все же сам Тигран, его замечательный талант. Наш сосед по даче – мастер Бейлин. Так что же, я могла бы из Миши Бейлина тоже чемпиона мира сделать? Что я Тиграну действительно говорила, и говорила часто: играй, играй до конца. Ты видишь то, о чем твои соперники и не догадываются».

Чемпион мира любил и мог позволить себе большие американские машины – «Паккард», «Понтиак» и «Олдсмобил». Правда, за руль садилась его супруга, из-за маленького роста подкладывая под себя подушки. «С автомобилем «Олдсмобил» в нашей семье связана грустная история, – вспоминает сын гроссмейстера Михаил. – Мама, поскольку была невысокая, стеснялась ездить на таком габаритном авто и пересела на «Жигули». На этих «Жигулях» они и перевернулись, когда ехали на дачу. Папа вылез через боковое стекло и вынес маму, которая была без сознания. Повез ее в больницу, где врачи диагностировали сотрясение мозга. А на следующий день ему предстояло играть со Львом Полугаевским. Папа знал, что Полугаевский его немного побаивается, но ни о чем уже думать не мог. Он предложил ничью и помчался в больницу. Коллеги-шахматисты так ничего и не узнали... После этой аварии папа на день рождения подарил маме «Волгу».

В быту Тигран Вартанович обходился без звездности. Все близкие вспоминают, что свою победу над Ботвинником он воспринял очень спокойно, без лишнего честолюбия. Даже став чемпионом мира, не требует гонорары за участие в зарубежных турнирах, довольствуясь призовыми суммами. И бесит этим многих коллег, а особенно Бобби Фишера. И лишь после того, как зарубежные гроссмейстеры, дружившие с Петросяном, взмолились: «Попроси хоть что-нибудь, а то устроители и нам ничего не дадут!», в контрактах чемпиона мира стали подниматься материальные вопросы. Домработнице и шоферу Петросян платил из своего кармана, никакие пайки и льготы не получал.

Ну, а предугадывать действия соперника он умел не только за шахматной доской. В 1959 году

Первая встреча с 15-летним Робертом Фишером

будущий президент ФИДЕ, исландский гроссмейстер Фридрик Олафссон приехал на турнир претендентов в Югославию и тут же поспешил на озеро Блед. Там на острове есть церковь, про которую говорят, что любое загаданное в ней желание исполняется. А Олафссону предстояла партия с Петросяном, так что о его желании нетрудно догадаться. И вот плывет исландец на остров и во встречной лодке видит... конечно же, Тиграна Вартановича. На следующий день тот легко переигрывает Олафссона.

И еще одна история из шахматного закулисья. В 1966 году во время Всемирной шахматной Олимпиады в Гаване за доской встречаются Петросян, Фишер и... Фидель Кастро. А точнее, кубинский лидер, которому помогает Петросян, играет две партии против мексиканского политического деятеля Филиберто Террасаса, у которого помощником Фишер. Первую партию тандем Петросян-Кастро выигрывает, во второй кубинец уже самостоятельно побеждает мексиканца. Впрочем, судя по фотографиям, гроссмейстеры и во второй партии не только наблюдали. То, что первый номер американской команды пожимал руку злейшему врагу США, потом не раз припоминали Фишеру, пытались объявить выдумкой советской пропаганды. А ФБР даже проводило расследование. Зачем? Просто спросили бы у Петросяна, он никогда не обманывал.

К своей огромной популярности Тигран Вартанович относился спокойно, всенародную любовь принимал с некоторым стеснением, а его сын Михаил рассказывает, что было, когда он уступил свой чемпионский титул: «В тот день, когда он проиграл Борису Спасскому, у нас был накрыт стол. Все сели и отмечали, что наконец-то отмучался он – избавился от этого чемпионства... Папа совсем не хотел становиться чемпионом мира... ни в какую не хотел играть последнюю партию на турнире претендентов. Говорил: «Вдруг выиграю – потом

придется играть матч с Ботвинником. А не приведи Бог, обыграю еще и Ботвинника и стану чемпионом – это же какие хлопоты предстоят...» Мама его буквально заставила: «Хотя бы предложи ничью, только не проигрывай, а там видно будет». Потеряв звание чемпиона, Петросян продолжает оставаться одним из сильнейших игроков планеты, еще одиннадцать лет входит в число претендентов на звание чемпиона мира, побеждает в межзональном турнире в Рио-де-Жанейро.... А потом на него обрушивается болезнь.

Боли в животе, госпитализация и страшный диагноз: рак поджелудочной железы. Рядом с ним лучшие врачи, но надежды нет. Об этом знают все окружающие, кроме его самого, он верит в легкое отравление: «И чего я такого скушал? Надо быть осторожнее». После смерти ближайшего друга – композитора Арно Бабаджаняна говорит, не отнимая рук от живота: «Снаряды рвутся все ближе»... Когда на его 55-летие собираются все московские знаменитости, жить ему остается меньше двух месяцев. Лежа в больнице, обессиленный он обещает помочь молодому Гарри Каспарову в матче против Анатолия Карпова, получает сообщение, что его включили в отборочный турнир к чемпионату мира, и просит уточнить место и дату соревнования... 13 августа 1984 года его не стало.

А мы вспомним еще раз о подарках, которые Тигран Вартанович получил после победы над Ботвинником. Снова слово его сыну Михаилу: «Армянские болельщики прямо на торжественном закрытии в московском Театре эстрады, где проходил матч, преподнесли папе ключи от машины. А грузинские сказали: «Такой щедрый подарок, как армяне, мы сделать не можем. Но зато дарим полотно классика армянской живописи Мартироса Сарьяна». Сейчас эта картина висит у меня за спиной. На сегодняшний день она стоит дороже любого «Мерседеса».

В. Верещагин. Вид на Московский Кремль. 1879

Творчество Николая Сандунова

■ Роксана АХВЕРДЯН

В этой статье я продолжу рассказывать о выдающихся сынах Грузии, внесших свой вклад в развитие русской культуры, в том числе в развитие русского театра, начиная с XVIII века. В эту эпоху драматургия в России развивалась в основном в стиле классицизма, а трагедия была ведущим жанром. Но со второй половины XVIII века в драматургии стали развиваться просветительский реализм и сентиментализм. И этот новый художественный метод вступил в борьбу с классицистической драматургией.

Отход от классицизма особенно отчетливо проявлялся в воздействии, оказываемом на жанры трагедии и комедии «слезной» мещанской драмой, «слезной» комедией, мелодрамой и монодрамой, основоположником которых являлся

Ж.-Ж. Руссо. Уже драматургия русского классициста М.М. Хераскова (например, «Венецианская монахиня», 1758 год) несла на себе отчетливый отпечаток воздействия традиций мещанской «слезной» драмы.

Херасков настойчиво предлагает «не петь», как было принято в классицистических произведениях, а «чувствовать и мыслить». Новым словом в развитии русской национальной драматургии явилось и создание общественно-сатирической комедии, обращение к теме крестьянства. Эта тема была естественно связана с изображением крепостнических отношений, их обличением, утверждением идей демократизма и высокой гражданственности, с борьбой против социального неравенства. Но эта борьба осмыслялась просветителями не как смена од-

ного социально-исторического уклада другим, а как борьба за нравственное и моральное совершенствование человека.

Ярким представителем русской драматургии конца XVIII века, отразившим новые течения, является русский драматург грузинского происхождения Николай Николаевич Сандунов (Зандукели), родной брат выдающегося актера Силы (Силована) Сандунова (Зандукели), который был немалой редкостью среди артистов того времени по своему происхождению (он был князем) и человеком весьма образованным.

Предком братьев Сандуновых был грузинский азнаур (дворянин) Мосе Зандукели, в 1724 году прибывший в числе свиты Вахтанга VI в Москву и навсегда тут поселившийся. Мосе Зандукели был весьма образованным и состоятельным человеком, но впоследствии разорился. Жена у него была русская. У них было двое сыновей – старший Сила – в будущем прославленный драматический актер, и Николай – известный в свое время драматург и ученый.

Братья Сандуновы-Зандуке-

ли, служившие русской культуре, не теряли связи с родиной и сохраняли любовь к ней. На это указывает Габриел Ратишвили, сопровождавший вместе с другими в 1801 году выехавшего из Тбилиси в Петербург царевича Иоанна Багратиони. В найденном нами произведении Г. Ратишвили на русском языке «Краткое повествование о России», автор, описывая свое путешествие, рассказывает о братьях Зандукели, о том, что они поддерживали дружеские связи с петербургскими и московскими грузинами.

Старший сын Зандукели, Силован (его звали просто Сила) Сандунов (родился 27 марта (8 апреля) 1756 года, умер в 1820 году в Москве) – выдающийся русский драматический актер. В юности он работал канцелярским служащим в Мануфактурной коллегии. Театр пришел в жизнь Силы Сандунова неожиданно. Однажды, попав в театр на комедию «Наследство» и посмотрев на игру актера, исполнявшего роль слуги, он столь увлекся этим искусством, что вся прошлая жизнь показалась ему нелепой – дворянин, вопреки воле родных, решил стать артистом. И для этой цели начал брать уроки у прославленного драматического актера Я.Е. Шушерина, работавшего в московском частном театре, созданном англичанином М. Медоксом (Петровский театр на месте нынешнего Московского Большого театра).

Успехи ученика были оценены, и в 1776 году Сила Сандунов сам стал артистом театра Медокса, дебютировав в роли слуги Пролазы в комедии Княгинина «Чудаки». Новый лицедей был определен на комическое амплуа и быстро покорила сердца московских зрителей, а еще через пять или семь лет даже получил приглашение переехать в Петербург на службу в Петербургскую императорскую труппу. Сила Сандунов ответил согласием и со временем стал одним из самых любимых русских актеров того времени.

Он сделал блестящую карьеру в театре. Как отмечали некоторые его биографы, его славе способствовало и то, что он сумел пленить сердце фаворитки императрицы Лизаньки Урановой, ставшей выдающейся русской актрисой и певицей Елизаветой Сандуновой. Она была ученицей Петербургской императорской школы, столь талантливой, что еще учащейся успешно выступала в оперных партиях под псевдонимом Лизанька Уранова, причем этот псевдоним был ей придуман лично императрицей в честь открытия планеты Уран.

Своей любимице Екатерина II подарила на свадьбу несколько бриллиантов, которые новоиспеченный муж актрисы – Сила Сандунов – сумел использовать с блеском. Он недорого купил участок земли на берегу речки Неглинной, а потом потихоньку скупил земельные участки соседей, после чего построил здесь же общественные бани. Здания получились настолько прочными, что их даже не смогли спалить французы в 1812 году, хотя и намеревались.

Во время войны с Наполеоном, во время большого сожжения Москвы (пожар в сентябре 1812 года), сгорело и все имущество Сандуновых. Сегодня за банями сохранено

историческое название – Сандуновские бани. Но любили москвичи Силу не только за бани, он был вхож во многие аристократические дома Москвы, что, учитывая социальный статус Сандунова (он был хотя и блестящий, но все-таки актер-комик), в те времена было большой редкостью.

Хотя о деятельности братьев упоминалось в критической литературе, особенно о жизни и творчестве Силы Сандунова, о Николае Сандунове так и не было создано отдельного труда. Мы взяли на себя смелость подробнее рассказать о нем, о его роли в создании русской драматургии.

Николай Николаевич Сандунов родился в Москве 13 октября 1766 года в семье грузинского дворянина Николая Зандукели, ставшего впоследствии Сандуновым. Его называли Николаем, в честь отца. Несмотря на нужду, отец дал сыновьям хорошее образование.

С детства Николай очень полюбил театр, стремился подражать брату, но отец очень не хотел, чтобы младший сын тоже стал актером. Отец считал, что ему нужна другая профессия, иной путь, к примеру, юриспруденция. Он учитывал одно очень важное обстоятельство – 24 июля 1783 года в русской крепости Георгиевск был

Сила Сандунов с супругой

Сандуновские бани

подписан трактат о вступлении Грузии под российский протекторат. А людей, которые в совершенстве знали российские законы, в этой древней стране были считанные единицы. Поэтому перед Николаем Сандуновым была поставлена задача – доскональное знание законов.

Н.Н. Сандунов был прогрессивным человеком своего времени, последователем французских просветителей. В своих произведениях он вел борьбу против феодального строя, узаконенных порядков жизни, против зла во всех его проявлениях. Н. Сандунов относится к тому направлению в русской литературе, которое представлено именами А.Н. Радищева, Н.Н. Новикова, Д.И. Фонвизина и других прогрессивных деятелей демократического направления 1790-1800 гг.

Науке Н.Н. Сандунов в основном известен как ученый-юрист. Его юридические труды пользовались большим успехом. Как о драматурге о нем было известно намного меньше. Жизнь и творчество его стали основательно изучаться лишь в 50-е годы XX века, хотя

о нем как о драматурге было известно еще раньше, особенно о том, что он перевел на русский язык пьесу Ф. Шиллера «Разбойники», которая продолжительное время шла на русской сцене.

Окончив Московский университетский благородный пансион, Николай в 1784 году был зачислен студентом Московского университета. Окончив его в 1787 году с золотой медалью, он был оставлен преподавателем синтаксиса в университетском благородном пансионе, где проработал 4 года. В то время, когда в Московском университете учился Сандунов, директором этого высшего учебного заведения был назначен Денис Фонвизин, знаменитый российский драматург. Они вращались в одном кругу, хотя и не очень продолжительное время. Однако и этого оказалось достаточно для того, чтобы Николай Николаевич приобрел к стихосложению и написанию театральных пьес.

Куратор университета М.М. Херасков обратил внимание на его дарования в области

словесности и пригласил его к себе в секретари. Затем Н. Сандунов служил секретарем у генерал-губернатора Т.И. Тутомлина, что в итоге принесло ему чин титулярного советника. А вскоре по требованию генерал-прокурора А.Б. Куракина был назначен в Канцелярию по составлению законов Российской империи. Во время службы у Куракина он сблизился со М.М. Сперанским.

В юности Сандунов пережил личную трагедию, о которой он упоминает в посвящении А.А. Прокоповичу-Антонскому в первом издании своей пьесы «Отец семейства» (1794), благодаря его за участие, которое тот проявил, в отличие от тех, кто у него «лживыми обещаниями отнял все – службу, имя и состояние...». В 1798 году Сандунов был переведен в правительствующий Сенат обер-секретарем шестого департамента, где прослужил 12 лет, получив чин статского советника и награды.

В 1811 году он вышел в отставку и занял место ординарного профессора и руководителя кафедры гражданского и уголовного права и в то же время юрисконсульта Московского университета. Был заведующим Синдиком Московского университета, инспектором студентов. Н. Сандунов, даровитейший из профессоров юридического факультета в первой половине XIX века четыре раза избирался деканом этико-политического факультета и принадлежал к числу «достопамятных личностей Московского университета». Он был также активным участником временной комиссии по управлению делами Московского учебного округа по восстановлению университета после пожара во время Отечественной войны 1812 года.

Как вспоминают современники Н. Сандунова, он являлся передовым деятелем русской науки, пропагандировавшим среди студентов прогрессивные идеи своего времени,

«был неумолим в обличениях роскоши, тщеславия и беспечности барской». Он пользовался всеобщим уважением и доверием, был «оракулом города Москвы», к которому за советом шли все, кто искал правды, и он всегда помогал, чем только мог. Долгое время он был знаменит лишь как профессор-юрист, но не как писатель-переводчик, драматург. Например, П.А. Вяземский, вспоминая в своей «Старой записной книжке» о замечательном актере С.Н. Сандунове, весьма популярном в свое время, называет его брата – Н.Н. Сандунова – «известным обер-секретарем», упустив то, что он был и драматургом.

Любовь к театру у Николая проявилась еще в гимназии. Он принимал активное участие в любительских спектаклях университетского пансиона и на университетской сцене, с успехом играл в школьных постановках, в чем ему помогал старший брат Сила. «Исполняя некоторые ответственные роли, он заставил удивляться своему сценическому таланту даже знатоков театрального дела», – писал Б. Модзалевский в «Русском биографическом словаре» (т.18, с.190). Писатель М.П. Погодин, учившийся в университетском пансионе вместе с братьями Сандуновыми, вспоминал, что оба брата с участием других студентов с большим успехом ставили пьесы Д. Фонвизина «Недоросль» и «Бригадир», В. Капниста «Ябеда», М. Матинского «Мельник – колдун, обманщик и сват» и другие, пьесы самого Н. Сандунова, при постановке которых он проявил большие режиссерские способности. Но какие это были пьесы, Погодин не сообщает.

Н. Сандунов блестяще знал иностранные языки, в 1789 году он перевел с немецкого языка комедию из репертуара немецкой труппы – текст для оперы в 3-х действиях «Доктор и аптекарь» (музыка Диттерса фон Диттерсдорфа, текст Готлиба

Стефани), которая многократно ставилась в Московском театре М.Г. Медокса. В 1790 году она шла шесть раз, т.е. больше, чем какая-либо другая пьеса, а в 1791 году – три раза. Первые пьесы Н. Сандунова ставились также на домашней сцене – на даче М.М. Хераскова в Очаково.

Николай был страстным пропагандистом творчества Шиллера, поэтов немецкого движения «Бури и натиска». В 1793 году он перевел с немецкого на русский язык драму Шиллера «Разбойники». Вначале цензура запретила постановку пьесы, но затем разрешение было дано, и пьеса была поставлена на сцене и опубликована.

Одну из постановок – 5 октября 1814 года – описывает П. Арапов: «Разбойники» шли в бенефис прославленного русского актера А.С. Яковлева, который исполнял роль Карла и был замечательно эффектен, многие сцены у него были превосходны и в особенности сцена с братом, по выходе отца из темницы». Амалию играла выдающаяся трагическая актриса Е.С. Семенова. Пьеса в течение многих лет ставилась на сцене петербургских и московских театров, одна из последних постановок была осуществлена в обеих столицах в 1845 году. В 1827 году Н. Сандунов перевел и другую драму Шиллера – «Коварство и любовь», которая шла в Александрийском театре с участием П.С. Мочалова.

Н. Сандунов был также большим поклонником Шекспира. В конце XVIII века важной темой эстетических дискуссий было сравнение достоинств пользовавшейся в то время большой популярностью драматургии Вольтера и творчества Шекспира, мощный гений которого все сильнее притягивал к себе в России умы и сердца, однако традиция преклонения перед Вольтером была сильна, и еще немногие отдавали откровенное предпочтение Шекспиру. К числу этих немногих принадле-

жал и Н. Сандунов. Он считал Шекспира поэтом «бесподобным и единственным в своем роде», – как он писал в письме Н.Ф. Грамматину, переводившему в то время Шекспира на русский язык.

Сочинял Н. Сандунов и стихи. Его стихотворные опыты в оценке современников отличались «силой чувствований, затейливостью и оригинальностью слога». Интересные воспоминания о его поэтическом творчестве оставил С.П. Жихарев в своей книге «Записки современника» (Изд-во АН СССР, 1955). Н.Сандунов вел также активную журналистскую деятельность, был тесно связан с прогрессивными литературными кругами.

Совместно с Н.И. Новиковым, Н.М. Карамзиным, Петровым сотрудничал в журнале «Детское чтение для сердца и разума». Журнал выходил в 1785-1789 годах и являлся прибавлением к «Московским ведомостям». В 1786 году в этом журнале он анонимно поместил 2-актную пьесу «Добрые дети», которая в 1802 году была перепечатана в сборнике «Детский театр». С 1804 года до само-

Сила Сандунов

го его закрытия в 1806 году он сотрудничал в журнале Д.И. Хвостова, П.Н. Голенищева-Кутузова и Т.С. Салтыкова «Друг просвещения», являясь одним из издателей и главных сотрудников. В 1806 году он напечатал в журнале свою программную статью о театре.

Н. Сандунов как просветитель, приверженец «слезной» комедии и драмы, исходя из просветительского учения об общественной природе человека, создавал произведения, пронизанные дидактическими идеями, особое внимание уделяя воспитанию в человеке нравственно-эстетического идеала, высоких гражданских чувств, душевных добродетелей, патриотических устремлений. В пьесе «Добрые дети» противопоставляются две семьи. Драматург показывает, как правильно воспитанные добрые дети, горячо любящие отца, своей самоотверженностью спасают его от долговой тюрьмы, в то время как неправильно воспитанные, избалованные дети из другой семьи готовы предать своего отца.

В «Детский театр» вошли и другие малоизученные пьесы

Д.И. Фонвизин

Сандунова. В пьесе «Благородное дитя» (1793) вновь указано на важность правильного воспитания. Интересна и остроумна его комедия «Друзья нынешнего века» (1817), где честный купец Старомысл, большими трудами скопивший состояние, разоблачает мнимых друзей сына, которые, узнав, что он якобы обеднел, сразу же отказываются от него.

В драме «Квакеры» (в 2-х действиях, 1817) на примере происшествия из истории войны англичан в Америке дано интересное разрешение классического конфликта между чувством и долгом. Генерал Гове стоит перед дилеммой – убить врага – Эдуарда, смертельно ранившего его сына, который напал на невесту Эдуарда, или помиловать, т.к. он защищал честь своей невесты. Но сын его оказывается живым, и генерал дарует врагу жизнь.

Эти пьесы, как и вся драматургия Сандунова, насыщены демократическими мотивами, в них автор выступает как большой мастер драматической интриги. На то, что эти пьесы, входящие в сборник «Детский театр», принадлежат перу Н. Сандунова, указывает не только сходство сюжетов, но и общность стиля и идейно-художественные и языковые особенности.

В дальнейшем своем творчестве Сандунов, продолжая традиции русской обличительной комедии, делает «слезную» драму явлением в высшей степени прогрессивным и в своих лучших пьесах отходит от морализаторства и дидактики в план нравственно-осмысленных общественных отношений. Современник сказал о нем: «Бичующая сатира сделалась стихией его жизни». Главный его талант был в сатирическом изображении современной ему действительности.

Разработка темы крепостного права в наибольшей степени способствовала в те годы развитию прогрессивных сторон эстетики «слезной» драмы. В этом жанре Н. Сандуновым была создана

пьеса «Солдатская школа», впервые исследованная в 1937 году литературоведом Г.А. Гуковским, который в то время еще не знал, что автором ее является Н. Сандунов, т.к. пьеса в «Детском театре» была опубликована анонимно. Исследователь писал о пьесе, что это – «сильная сентиментальная драма, изображающая конфликт страстей в подчеркнута социальной плоскости» (подробная библиография о Н.Н. Сандунове дана в моей книге «Из истории русско-грузинских литературных взаимосвязей», Тбилиси, изд-во «Сабчота Сакартвело», 1985).

Другой ученый П.Н. Берков, отметив, что «ни одна из других пьес того времени не может равняться с драмой Сандунова ни радикальностью своего содержания, ни силой своего пафоса, ни даже яркостью образов и остротой сюжета», назвал ее «высшим достижением русской комедии последнего десятилетия XVIII века». Он также называет ее драмой, проникнутой «революционными тенденциями». Литературовед Т.М. Родина также указывает: «Таких смелых и резких пьес о русской деревне до Сандунова никто не писал».

Пьеса «Солдатская школа» была написана в 1794 году для театра воспитанников университетского благородного пансиона и ими же была сыграна. В дальнейшем она больше не ставилась, несомненно, по цензурным соображениям. Опубликована была в 1802 году в сборнике «Детский театр». Второе издание вышло в свет в 1817 году.

В основу сюжета легла пьеса французского драматурга Луи-Себастьяна Мерсье (1740-1814) «Дезертир». Заимствование сюжета – весьма частое явление в драматургии XVIII – начала XIX веков. Заимствуя сюжет, Сандунов насытил его злободневными для России того времени социальными мотивами. Знаменательно обращение Сандунова к Мерсье – одному из радикальных и демократически настроенных драматургов французского просвещения. Известно, что пьеса Мерсье вызвала протест консер-

вативно настроенных русских литературных кругов.

Даже П.А. Плавильщиков (1760-1812) – драматург прогрессивного направления, актер, являвшийся, наряду с И.А. Крыловым, одним из теоретиков театра того времени, утверждал, что «отображенная в пьесе Мерсье жизнь была чужда русским и поэтому не может быть интересной русскому зрителю». Пьеса Мерсье привлекла Сандунова тем, что она направлена на защиту прав простого человека, в ней подвергнуты критике царившие в армии жестокие законы и социальное неравенство.

Но драма Н. Сандунова, как мы считаем, резко отличается от пьесы Мерсье своим демократизмом, социальной заостренностью и сложностью интриги. Она пронизана сочувствием к народу, духом гуманизма, протестом против общественной системы, обрекающей целое сословие на бесправие, крепостное рабство, голод и нищету. В драме на сцену выходил новый социальный герой – человек из народа и не как второстепенный персонаж, нужный для фона, а как главная драматическая фигура.

В пьесе рассказывается о старом крепостном крестьянине Бедоне, за которым числится 50 рублей недоимки. Староста требует их немедленно уплатить, иначе угрожает «заковать его в железо». В деревне расположился на постой полк, с которым приходит в деревню сын Бедона Иосиф, много лет назад несправедливо отданный в рекруты. У Иосифа нет средств помочь отцу, и он в полном отчаянии решает инсценировать побег из полка.

Иосиф договаривается со Стодумом, старшим братом отца, будто тот его поймает и выданные дяде за его поимку 50 рублей отдаст отцу в уплату недоимки. Деньги уплачены, но за побег Иосифу грозит расстрел. Бедон умоляет полковника, командира Иосифа, помиловать его. Но полковник неумолим, он ссылается на абсолютную силу закона, равного, как он говорит, для всех сословий. Но Бедон в отчаянии

Лазаревское кладбище

отвечает ему, что нет одного для всех закона, а есть круговая порука богатых против бедных.

В последние минуты, когда Иосифа ведут на расстрел, казнь останавливается, так как прятавшийся где-то Стодум решил рассказать, что побег был вынужденным, и стоящие тут же крестьяне выпрашивают у полковника помилование Иосифу. У Сандунова конец пьесы более радикальный, чем у Мерсье, у которого решающая роль отводится гуманно настроенному генералу. В пьесе Сандунова лишь вмешательство народа спасает Иосифа от смерти. Этим Н.Сандунов показывает огромные возможности, заложенные в народных массах, показывает не только его страдания, но и внутренние силы.

Драма заканчивается счастливой развязкой, но автор далек от примирительного толкования пьесы. Г.А. Гуковский считает, что в ней Сандунов, «подобно Радищеву, противопоставляет свободной добродетели народа ничтожество его поработителей». Исследователь доказывает, что произведение написано в радищевской манере.

Он сравнивает фигуры главных героев – Бедона и его сына Иосифа, обрисованные в героических тонах, с радищевскими крестьянами из главы «Зайцево», а дочь Бедона Анюту – с радищевской Анютой из главы «Едрово». Эта драма явилась победой

радикально-демократической мысли и искусства радищевского времени, драмой радищевского толка, смелым антикрепостническим произведением, ярко выразившим оппозиционные, антиправительственные настроения передовых слоев русского общества. Хотя ученые не утверждают, что «Солдатская школа» была создана под влиянием «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева, но многие из них отмечают, что идейное сходство обоих произведений в отдельных местах большое и что Н. Сандунов в этой пьесе ближе всех следует Радищеву в способности ощущать силу и поэзию жизненного факта.

Пьеса, появившаяся одновременно с разоблачительными произведениями Радищева, «Вадимом Новгородским» Я.Б. Княжнина, «Ябедой» В.В. Капниста, сатирическими журналами И.С. Крылова, была отображением подъема прогрессивной общественной мысли, наиболее радикальным образцом этого жанра, в ней много смелых для того времени высказываний, ярко нарисована картина нищеты и бесправия крепостных, их зависимость от произвола помещиков, местных властей. Именно это и делает пьесу близкой к радищевскому произведению.

■ Ирина ВЛАДИСЛАВСКАЯ

Утверждение древних о том, что нельзя дважды войти в одну реку, не относится к Гоги Члаидзе. В Тбилисскую государственную консерваторию имени Вано Сараджишвили он поступал дважды, и оба раза успешно окончил – сначала отделение фортепиано, класс профессора Гуревича, затем – композиции под руководством знаменитого композитора Давида Торадзе. Заслуженный деятель искусств Грузии, почетный гражданин Тбилиси Гоги Члаидзе за последние годы трижды удостоивался звания «Лучший композитор года Грузии». Эту высокую награду он получил в 2000 году за оригинальную музыку к постановкам «Не заходи, солнце!» и «О, Адонай, исминэ!», в 2005 году за моно-оперу «Книга Нестан-Дареджан», в 2015 году за хоровой цикл «Темы и вариации».

Гоги Члаидзе

ТБИЛИССКАЯ РАПСОДИЯ ГОГИ ЧЛАИДЗЕ

Недавно в рамках юбилейного фестиваля «Осенний Тбилиси» с огромным успехом прошла мировая премьера «Тбилисской рапсодии», концерта для фортепиано с оркестром Гоги Члаидзе в исполнении Тбилисского симфонического оркестра, за дирижерским пультом художественный руководитель Тбилисского музыкально-культурного центра им. Джансуга Кахидзе, главный дирижер и руководитель Тбилисского симфонического оркестра – Вахтанг Кахидзе, партия рояля – всемирно известный пианист Лексо Торадзе. Трудно выразить словами атмосферу творческого накала премьеры, достаточно сказать, что финальная часть концерта была с огромным воодушевлением исполнена на «бис». После столыцы с «Тбилисской рапсоди-

ей» познакомились слушатели в Гори, а в Кутаиси произведение было исполнено на двух роялях – дуэтом пианиста Лексо Торадзе и Георгия Шаверзашвили, недавно избранного председателем Союза композиторов Грузии.

НА ВОЛНЕ РАПСОДИИ

К созданию концерта, которого, бесспорно, ожидает большое будущее, Гоги Члаидзе шел долгие годы.

С Лексо Торадзе композитора связывают не просто дружеские отношения, а скорее – братские. Недаром композитор посвятил «Тбилисскую рапсодию» Лексо Торадзе, подписав ее – «Брат брату».

Детство и юность они провели вместе. А потом наступили годы разлуки. В ставшие теперь историей годы застоя Лексо То-

радзе принял непростое решение вырваться из-за «железного занавеса» и остался за границей. Для его отца – Давида Торадзе разлука с сыном была ударом, от которого он так и не смог оправиться – скончался слишком рано. Давид Торадзе понимал сына, гордился его достижениями, но в сердце образовалась пустота, которую не могли заполнить ни творчество, ни любимые ученики, ни дружеское участие. В эти годы Гоги Члаидзе постоянно был рядом с учителем, который утверждал: «Там, где кончается Лексо, начинается Гоги», подчеркивая духовную близость молодых талантливых друзей. К сожалению, Лексо смог приехать в родной город только после смерти отца. Гоги вспоминает, как они пошли на могилу, потом просидели ночь, вспоминая, горюя, выслушивая исповеди. Тогда Гоги пообещал другу, что напишет концерт на тбилисские темы, посвященный памяти учителя.

Все эти годы Гоги помнил свое обещание и делал наброски к неисчерпаемой теме, однако времена настали трудные, надо было выживать, а для этого выполнять бесчисленные заказы. Гоги Члаидзе на протяжении этого периода утвердился как один из самых востребованных грузинских композиторов. Тем не менее Лексо время от времени спрашивал, когда же будет написан обещанный концерт? Иногда с горечью иронизировал: «Когда я уже не смогу играть?».

– После очередной такой «шутки» я отложил все дела и буквально за месяц написал концерт, который мысленно вынашивал десятилетиями, – рассказывает композитор.

Затем он позвонил Лексо: «Готово!». «Не может быть!», – воскликнул пианист на другом конце планеты. После прослушивания Лексо принялся разучивать произведение, которое ему очень понравилось. Лексо приехал в Грузию, затем отправился в Дилижан, где в

Гоги Члаидзе, Лексо Торадзе и Вахтанг Кахидзе после премьеры «Тбилисской рапсодии». 2017

Доме творчества композиторов Армении начал работу над концертом. К сожалению, подобный Дом творчества в Боржоми грузинским композиторам сохранить не удалось, в отличие от армянских коллег. В целом работа Лексо Торадзе над концертом длилась год. Правда, в прошлом году возникла идея сыграть новый концерт на традиционном осеннем музыкальном фестивале в Тбилиси, но маэстро Вахтанг Кахидзе предложил отложить премьеру на год и приурочить ее к юбилейному 25-летию фестиваля «Осенний Тбилиси». С его предложением согласились и не прогадали. В первом отделении Тбилисский симфонический оркестр под управлением Вахтанга Кахидзе исполнил технически чрезвычайно сложное, глубокое и эмоционально насыщенное произведение «Никорцминда» Давида Торадзе, а во втором отделении состоялась

премьера «Тбилисской рапсодии» Гоги Члаидзе. Программа вечера символически объединила преемственность поколений, продемонстрировала не только дань уважения ученика учителю, но и дань любви родине. Давид Торадзе создал гимн, полный сакрального смысла, о Никорцминда. Об этом храме, воздвигнутом в живописных горах Верхней Рачи, Галактион Табидзе писал: «Музыку кто ваял?/Тот, кто обломки скал/ переколдовывал/ в церковь Никорцминды./ Правильней радуги/ арок излучины. / Нет математики! – /сны есть и случаи».

А Гоги Члаидзе, в свою очередь, создал полифонический музыкальный гимн родному Тбилиси, без которого, по собственному утверждению, не может прожить больше недели. Полная радость и трудностей, взлетов и разочарований жизнь нашла отражение в многоплановой композиции «Тбилисской

Котэ Поцхверашвили

рапсодии» с гармоничным и мощным финалом, утверждающим истину, что, несмотря на все испытания, «жизнь хороша, и все мы чего-нибудь стоим».

– Лексо сыграл концерт с огромным воодушевлением и подъемом, конечно, он знал его наизусть, но для подстраховки поставил ноты! – рассказывает Гоги. – Для меня чрезвычайно важно, что исполнение Лексо и оркестр под управлением Вато Кахидзе до нюансов верно донесли до слушателей мой замысел. Надеюсь, что у концерта есть будущее. Лексо собирается исполнить его на фестивале «Белые ночи» в Санкт-Петербурге, – продолжает батони Гоги. – Когда я писал рапсодию, то учитывал манеру исполнения и физику Лексо и Вато, писал, представляя их визуально. Концерт уже вызвал большой интерес у других исполнителей. Хоть он и посвящен Лексо Торадзе, пианист не против, чтобы его играли другие

музыканты. В частности, «Тбилисскую рапсодию» собирается исполнить очень талантливая молодая пианистка Тамар Личели.

НА СЕМЕЙНОЙ ВОЛНЕ

Наша беседа протекает в гостиную уютной квартиры композитора в тупике длинного, как корень выкорчеванного плехановского платана, двора на проспекте Агмашенебели. Старинная обстановка, портрет деда Гоги Члаидзе по материнской линии – Котэ Поцхверашвили – одного из столпов грузинской классической музыки, рояль «Бернштейн», громоздкий стол, за которым принимают гостей, балкон, идеальный для вечерних посиделок, увитый виноградом, открывающий неожиданный просторный вид со столетними кипарисами.

Мой собеседник рассказывает о своем творчестве, и то и дело переходит на творческие заслуги людей, с которыми работает, в их адрес постоянно звучат определения – «выдающийся, талантливый, многогранный». К слову, на вопрос, какие качества композитор не принимает в людях, Гоги ответил: «Злобность и зависть».

Жена композитора – Марина Чачанидзе – актриса, но в настоящее время полностью посвятила себя заботам о супруге. Гоги назначил Марину своим менеджером, перепоручив все организационные дела. Марина умудряется успевать делать сотни дел одновременно, при этом вести дом.

– Другого выхода нет, – говорит Марина, – Гоги тут же теряет интерес к написанному, сразу переключается на новые идеи, мои обязанности все сохранить и разложить по папочкам, полочкам, провести переговоры, утрясти детали.

По факту рождения и семейному окружению, а также в силу собственных достоинств Гоги Члаидзе относится к замечательной плеяде тбилисской «золотой молодежи» начала оттепели шестидесятых – та-

лантливой, интеллектуальной, аристократичной по духу, творческой. Гедонист по натуре, он является большим ценителем подлинных грузинских застолий, превращающихся в парад песнопений, веселья и остроумия.

Друзья и множество людей, с которыми он знаком чисто по-тбилиски – «по городу» – восхищаются не только его музыкальным творчеством, но цитируют его яркие афоризмы.

Детство Гоги протекало на проспекте Руставели, в просторной квартире знаменитого деда, автора музыки и слов «Дидеба» – гимна Грузии 1918-1921 и 1990-2004 годов. Рос наш герой мальчиком счастливым, живым и полностью избавленным от бремени детской гениальности. Ему было около семи лет, когда Котэ Поцхверашвили обратил внимание на добровольные набегу внука к роялю и предрек ему большое будущее. Однако никто его способности искусственно не культивировал, более того, Гоги настолько томился гаммами, что мама решила в шестом классе забрать его из музыкальной школы. Но директор отговорил ее от этого шага.

– Только в седьмом классе у меня открылось музыкальное дыхание, – вспоминает Гоги, – я заболел музыкой, возможно, благодаря тому, что педагогом оказалась симпатичная молодая женщина, которая хвалила меня и предлагала разучивать красивые произведения.

Произошел резкий перелом: если до седьмого Гоги был чуть ли не круглым отличником в средней школе и активным пионером, то теперь все внимание сконцентрировалось на музыке, которую он учился извлекать из инструмента по своей волшебной воле.

Надо отметить, что музыкальной была вся родня. Котэ Поцхверашвили был не только автором многочисленных классических произведений, но и организатором ансамбля чонгуристок, в котором выступала и мама Гоги – Елена (по-домашнему Додо), но потом

она поступила в медицинский, и всю жизнь проработала очень успешным хирургом. Отца – Захария Члаидзе, обладавшего прекрасным тенором, приглашали петь в оперу, но он предпочел должность директора Тбилисского зоопарка, а затем много лет возглавлял Управление заповедников и охотничьих хозяйств республики. В зоопарке с ним произошел такой курьез: однажды вечером, когда все сотрудники уже разошлись, дверь в его кабинет распахнулась, и на пороге появился тигр. Захарий мгновенно сориентировался и притворился мертвым, тигр обнюхал его и двинулся в соседнее маленькое помещение. Клетку служители не закрыли, но хоть покормили хищника плотно! Директор мгновенно запер за тигром дверь и вызвал подмогу. Тигра благополучно загнали в вольер, а в газете «Коммунисти» появилась заметка под названием «Кочаги Захарии» («Отважный Захарий»).

– Отец пытался сделать из меня охотника, но без успеха. Как-то мне выдали ружье, поставили в цепь ждать под кустом, когда выскочит заяц. Я тут же поудобнее устроился и заснул, проспав всю охоту, – рассказывает Гоги

После того, как Гоги осознал, что его призвание музыка, из разнообразных увлечений юности не были заброшены только баскетбол, ватерполо, футбол. Гоги неизменно входил в сборные консерватории по разным видам спорта.

НА ВОЛНЕ ОПЕРЫ

Карьера Гоги Члаидзе началась с большого успеха, всего через два года после окончания в 1975 году композиторского отделения консерватории была поставлена его опера «Невзгоды Дариспана».

Трагикомедию по произведению Давида Квдиашвили о том, как Дариспан пытается пристроить своих четырех дочерей, часто ставили на сцене, но первым задумал поставить инсценировку в виде оперы актер

Гоги с мамой Еленой (Додо) Поцхверашвили

и режиссер Варлам (Лали) Николадзе. С готовым либретто он пришел к тогдашнему министру культуры Отару Тактакишвили и увлек его своей идеей. Министр вызвал заведующего репертуарным отделом Антона (Татули) Цулукидзе и тот посоветовал поручить музыку к «Дариспану» Гоги Члаидзе.

– Знакомство с Лали Николадзе отпечаталось в памяти до мельчайших подробностей. Мы сели в машину и пока ехали, он пропел мне весь текст на импретинский лад! Это было потрясающе интересно, но главное, сильно облегчило мне дальнейшую работу, я получил ключ к музыке будущей оперы. Писал и оркестрировал это произведение я больше года, который прожил в большом творческом подъеме, – рассказывает композитор. – Премьера «Дариспана» в Кутаисской опере состоялась в 1977 году, за дирижерским пультом был мой большой друг, талантливый музыкант Тенгиз Чумбуридзе, артисты прекрасно справились со своими партиями – спектакль прошел с большим успехом. Почти тридцать лет спустя я ввел в оперу хор девушек на выданье

– женский хор дополнил первый камерный вариант спектакля. В дополненной редакции это произведение в постановке Давида Сакварелидзе было представлено на суд зрителей в 2011 году в полуконцертном исполнении, поскольку оперный театр в то время был на ремонте. Дирижировал маэстро Джанлука Марчиано, занимавший в те годы пост главного дирижера Тбилисского оперного театра. Теперь намечено перенести эту оперу на сцену, готовится ее постановка в полной редакции к 50-летию Кутаисского оперного театра.

НА ТЕАТРАЛЬНОЙ ВОЛНЕ

В начале творчества Гоги много работал совместно с Лали Николадзе. В частности, молодые соавторы активно сотрудничали с детским коллективом Тбилисской экспериментальной школы искусств на улице Саирме.

– Директор Натела Церетели предоставила режиссеру Лали Николадзе, музыканту Джарджи Магалашвили и мне – полный карт-бланш. И мы написали и поставили три рок-оперы для детей. Маленькие артисты

объездили с гастрольями весь Союз. Настоящим хитом стала рок-опера «Муха Цокотуха» – несколько поколений юных дарований сменили друг друга, а «Цокотуха» не выходила из репертуара Детского музыкального театра, – рассказывает Гоги Члаидзе.

В 1982 году Гоги Члаидзе написал музыку к постановке Лали Николадзе «Божественная комедия» по пьесе Исидора Штока в Тбилисском театре музыки и драмы имени Васо Абашидзе. В этом же театре на музыку Гоги Члаидзе были поставлены спектакли «О, Адонай, исминэ!» Левана Милорава, посвященный дате 26 веков пребывания евреев на грузинской земле, а также «Шапито» Михаила Тархнишвили (обе постановки режиссера Нугзара Гачава).

– Еще об одном театре надо сказать особо, – продолжает композитор, – театр «Эхо» просуществовал при Грибоедовском театре всего два года, но всем нам дал огромный опыт человеческого общения. В этом театре, созданном Лали Николадзе, мы поставили мюзикл «Панорама» – исполнителями в нем были глухонемые и слепые люди, а также известные актеры.

Участие в каждой новой постановке для композитора определяется одним критерием – градусом творческого накала. Все другие – конъюнктурные, меркантильные и прочие соображения остаются за бортом его внимания. Кроме того, Гоги Члаидзе любит подчеркивать: «В моем присутствии ни слова о политике!».

– Не представляю работу без удовольствия. Создание музыки к спектаклю – это всегда огромная творческая отдача. Новая театральная постановка для меня начинается со знакомства с пьесой. Сначала я читаю дома. Потом присутствую на читке в театре. Устраиваюсь в зале и наблюдаю за артистами на сцене, читающими свои реплики, улавливаю тембры их голосов, тональности. Ухожу до

мой и начинаю работу, возвращаюсь в театр с уже написанной музыкой. В театре всегда работаю без концертмейстера, сам репетирую с исполнителями песни, добиваюсь нужного звучания музыкального оформления спектакля.

Только перечень музыки, написанной Гоги Члаидзе к различным спектаклям в столичных театрах, а также для театров городов Батуми, Сухуми, Цхинвали, Гори, Рустави и др., может составить своеобразную антологию театальной жизни Грузии за последние тридцать лет. На его счету музыка более чем к 100 спектаклям. В числе которых – «Бег» М. Булгакова в постановке Роберта Стурва в театре имени Руставели, «Святой и грешник» и еще несколько постановок Гизо Жордания, музыка к спектаклям Кети Долидзе, Резо Мирцхулава, Варлама (Лали) Николадзе, Котэ Абашидзе. Композитор написал музыку для нескольких спектаклей Нугзара Багратиони-Грузинского в театре имени Михаила Туманишвили – «Харалети», «Невзгоды Дариспана» («Витом опера»), «Не уходи, солнце» по произведениям Нодара Думбадзе, «Нанили» по поэме Анзора Салуквадзе.

НА ВОЛНЕ КИНО

В кино Гоги Члаидзе привела случайная закономерность. Случайность заключалась в том, что заболел маэстро Давид Торрадзе, приглашенный на фильм Кети Долидзе «Кукарача» по рассказу Нодара Думбадзе. Закономерно, что Торрадзе предложил на замену своего ученика. Так началось многолетнее сотрудничество Гоги Члаидзе с кинематографом. На его счету музыка к 21 фильму. Он является соавтором таких режиссеров, как Кети Долидзе, Рамаз Гиоргобиани, Нодар Манагадзе, Како Шаншиашвили, Заза Колелишвили и др. Гоги Члаидзе жалеет, что один из последних фильмов с его музыкой – «Леонардо» Дато Нацвлишвили все еще не прозвучал на должном

уровне, был показан два-три раза и отложен до лучших времен. Тем временем талантливый режиссер Дато Нацвлишвили перекочевал в Кахети, где всерьез занялся фермерством.

По словам Гоги Члаидзе, писать музыку к фильмам и работать над тем, чтобы музыка легла на видеоряд, – огромное наслаждение и каторга одновременно. У него сложилась такая система – режиссер показывает отснятый материал, композитор пишет под впечатлением от увиденного музыку. На следующем этапе режиссер, монтажер, композитор оказываются в монтажной, где в поте лица добиваются единого «дыхания», единого ритма, изображения, музыки, стилистики ленты. Гоги шутит, что по его вине на монтаже часто происходят настоящие баталии, поскольку он требует, чтобы изображение делалось «под него», то есть под его музыку.

НА ВОЛНЕ ХОРОВОГО ПЕСНОПЕНИЯ

Гоги Члаидзе работает практически во всех жанрах: опера, симфонии, камерная музыка, вокальные циклы, но самым любимым жанром для него является хоровая музыка, традиции которой уходят в глубину веков и дают возможность в полной мере раскрыть уникальную неповторимость грузинской полифонической культуры. Огромная радость для композитора работать с прославленными грузинскими хоровыми коллективами, успешно гастролирующими по всему миру. Много лет он активно сотрудничает с Государственной капеллой Грузии под управлением Арчила Ушверидзе, с Горийской женской капеллой, которую в свое время создал хормейстер Шалва Мосидзе, а ныне возглавляет очень талантливая молодая Теона Цирамуа.

Для Абхазской государственной капеллы, основанной в Тбилиси десять лет назад сухумцем Гурамом Курашвили, композитор написал произведе-

После премьеры оперы «Невзгоды Дариспана». Крайний справа Г. Члаидзе. Кутаиси. 1977

ние «Салагобо», исполненное а капелла на конкурсе в Испании; оно было признано лучшим произведение иностранного автора и завоевало Гран При.

НА ВОЛНЕ ПИРОСМАНИ

В настоящее время композитор закончил оперу о жизни Пиросмани на стихи Амираана Шаликашвили, с театром которого сотрудничает много лет.

– Основатель и бессменный руководитель знаменитого Тбилисского театра пантомимы, театра уникального, в котором ставились блестящие спектакли – от трагедий Софокла до современной драмы, Амиран Шаликашвили обладает помимо своего таланта еще и большим литературным даром, – говорит Гоги Члаидзе и добавляет, – надеюсь, что новая опера будет поставлена и произведет должное впечатление.

Недавно в Тбилиси приехал известный балетмейстер Нукри Магалашвили, который вместе с супругой Медеей Немсицверидзе в последние годы успешно работает в Турции.

Встретившись, старые друзья решили создать современный балет на тему городской жизни. Гоги Члаидзе загорелся этой идеей – когда музыка балета будет завершена, то не останется ни одного пробела в жанровом диапазоне маэстро.

В интернете визитной карточкой композитора стал пронизанный лирикой саундтрек к фильму Зазы Колелишвили «Гаригеба» («Сделка»).

Выпущены компакт-диски и пластинки записи хоров, «Песнопения любви», «Кино и музыка» композитора.

Таковы реалии. Но есть еще и капля мистики.

– Представьте. Мне 18 лет, я был уверен, что мир принадлежит мне. Выбегаю из дома на проспект Руставели, и вдруг возникает цыганка: «Красавчик, дай руку, погадаю!». Пытаюсь отмахнуться, но она буквально вцепилась в меня. Пришлось протянуть ей руку, посмотрев на ладонь, она сказала: «В 69 лет ты серьезно заболеешь, если справишься, то будешь жить долго в почете и счастливо!».

Тогда я представить не мог себя в таком возрасте. Жил, учился, работал, дважды женился, проводил время с друзьями, вырастил детей, дождался внуков. И вот на пороге семидесятилетия – предсказание сбылось. Сильно переболел, но благодаря Марине выкарабкался. Страшное, думаю, осталось позади. Бог дал закончить фортепианный концерт, впереди много планов, много замыслов.

Главное, что он окружен любящими людьми, друзьями, тбилисскими берегами. Его мелодии омывают эти берега, сплетаясь в единый поток, создавая полноводную, искрящуюся реку, в которой можно услышать великолепие хора, сетования Дариспана, шутки балагара-кинто, порывы ветра и шепот любви, эхо трагедий и детского смеха, да мало ли что еще, ведь музыкальная река эта – неисчерпаема. Слышать и сохранять звуки, голоса родного города, повинуюсь данному свыше дару – это и есть его судьба.

ДЖАНСУГ ЧАРКВИАНИ

1931-2017

...ПЕЧАЛИ ЗВОН СТОРОЖЕВОЙ

МОИ ДРУЗЬЯ

(посвящается Гугули Гиоргадзе)

Сегодня в Ваке,
проходя меж могил,
цветами дрожащими благословил
одну неприметную с виду плиту.
Цветы я оставил. И дальше иду.
Иду в Дидубе, где такие же плиты
слезами облиты, дождями прибиты.
Листовою опавшею их замело...
Потом я отправился в Сабуртало.
Темнело. Я двинулся мимо Багеби
на Цхнети. Дорога,
мерцавшая в небе,
вилась и манила меня, как стезя.
...По ней от меня уходили друзья.

ВРЕМЯ

И мерцает в ореоле крыл
Время — Михаил и Гавриил,
Две меня карающие длани.
Я хотел бы чистым быть пред вами.
Вы меня воздвигли из земли,
обрекли на радости и муки,
сделали со мною, что смогли,
и опять земле отдали в руки.
Время — это бремя всех страстей,
тех, что на роду претерпит каждый,
мучимый сомнением и жаждой,
смертью близких, черствостью детей.
И приходит время умирать.
И приходит — восставать из пепла.
Сколько зрячих было, да ослепло.
И немых, что начали орать.
Тот бежит. Тот сдерживает прыть.
Под луною ничего не ново.
Я сказать осмелюсь: Время — Слово,
должное произнесенным быть.

Буду жить, покуда хватит сил.
Буду жить, пока стихи со мною,
и мерцает за моей спиной
Время — Михаил и Гавриил.

Печали звон сторожевой.
Душа разорена и смята.
За помутневшею рекой
звезда мерцает виновато.
Мне вспомнился высокий дом,
где жизнь поспешная летала.
Все умерли давно. Кругом —
прошедшее, как вздох обвала.
Моя измученная плоть
омыта им, как бы волною.
Всего лиши меня, Господь,
но боль мою оставь со мною.

РЕКА

Жизнь — как белая река,
разрывает ужас ночи,
Я живу еще, пока
вижу блеск ее воочью.
Горе я испил до дна.
Но бессмертен я, покуда
цвета белого вина
мчится пенистое чудо.
Будь, судьба, добрее к ней.
Не препятствуй этой пене
ослепительных страстей,
исступленных откровений.

ПОТЕРЯЛ Я МАЛЕНЬКУЮ ДЕВОЧКУ...

Чьи она осеняет дороги,
для кого спозаранок поет?
Я хочу по примеру немногих
причаститься с ладони ее.

От земли поднимается нега.
Опьяняет и все ж не пьянит.
Только страсти
бессмертное небо
оттеняет ничтожность обид.
А она по росистому полю
все идет. И простор впереди.
И легко вылетают на волю
соловьи у нее из груди.
А владенья ее заповедны:
ни дверей, ни окон, ни перил.
Прилетит, словно возглас победный,
улетит без руля и ветрил.
Нас связали незримые нити.
С нею мы разминулись в пути.
Те, кто видел ее, помогите,
помогите ее мне найти!

БАБИЛО

Скинь с себя зеленый плат,
бабило, лоза маглари.
За рекой звучат не в лад
голоса зурны и тари.
Как сияла до утра
гроздьями муджуретули!
Лишь бы резкие ветра
эту свечку не задули.
Наблюдаю из-под век,
как — глазурью по эмали —
по стволу восходит вверх
бабило, лоза маглари.
В небо тянется лоза...
А другою быть могла ли
жизнь моя, моя слеза,
бабило, лоза маглари.

ГЛУХАРЬ

1

Мы в Сибири.
Что верно, то верно.
В дикий холод врезаемся мы.
Бесконечно простерлось, безмерно

серебристое тело зимы.
Напеваем мотивчик известный.
И отчаянье нас не берет.
Мы впечатаны в холод отвесный
и уже превращаемся в лед.
Отнимаются руки и ноги.
Примерзает к подошве стопа.
Вдруг заметил: у края дороги
собралась небольшая толпа.
Молодые веселые лица.
Голоса: «Продаем! Продаем!»
И увидел я чучело птицы.
Эта птица звалась глухарем.

2

Это тихая птица лесная.
Оглушенный любовью глухарь.
Одиночества нота сквозная.
И тайги потаенный словарь.
Продается заглушное горло.
За тридцатку берите с собой,
увозите в задымленный город
этих перьев цветных разнобой.
Эта птица окраской и пеньем
украшала лесной оком.
Но убили ее тем не меньше.
Эта птица звалась глухарем.
От любви прорезается голос.
И любовь, словно боль не стерпя,
ты поешь на проталинах голых.
И тогда убивают тебя.
Ничего я другого не слышу,
кроме ноты, звучащей во мне.
А она все сильнее, все выше.
Я сейчас беззащитен вдвойне.
Над страну разносится пенье.
Это музыка, а не броня.
О, хотя бы в момент откровенья
не убий ни его, ни меня.

Переводы Наталии Соколовской

Вместе с любимой Грузией, с семьей и близкими скорбим об уходе из жизни нашего незабвенного друга – большого поэта, доброго, благородного человека, который внес свой бесценный вклад в историю грузинской культуры. Скорбим вместе со всеми и с дорогой Ирмой. Память о Джансуге Чарквиани навсегда останется в наших сердцах.

С уважением,
Анаида БЕСТАВАШВИЛИ

Как печально, что ушел Джансуг Чарквиани. Он был для меня образцом грузинского поэта, мудрого, верного в дружбе, глубокого и трогательного в стихах и в повседневной жизни. Он был одним из последних представителей замечательной грузинской поэзии, которую мне посчастливилось переводить. Горько... Будем всегда помнить его.

Юрий РЯШЕНЦЕВ

Александр, Лия и Серафим

ДОРОГОЮ ДОБРА

■ Юлия ТУЖИЛКИНА

Боль, страх и стыд. Вот что порой испытывают родители особенных детей. С этим столкнулась и москвичка Лия Сергеева, когда у нее в 2015 г. родился сын Серафим. С тех пор ее жизнь – это постоянная борьба за здоровье своего ребенка. Реабилитации в Европе и России не дали никаких результатов. И только в Грузии, а точнее, в приморском Уреки, на магнитных песках, появилась положительная динамика. Так и зародилась идея создания реабилитационного центра для детей с ограниченными возможностями. Строит его русская женщина исключительно на пожертвования и личные средства.

Москвичка Лия живет в Тбилиси одна с детьми. Муж приезжает раз в месяц: работает в России, обеспечивая всю свою многочисленную семью. Я напросилась на интервью с этой женщиной, когда ее младшему, четвертому по счету ребенку, едва исполнилась неделя. Она сразу же согласилась. Расположились они в небольшой квартирке в «итальянском дворике», в центре города. В доме уютно и тепло. Как только я вошла, проснулся малыш Гавриил, Лия сразу взяла его на руки. Так мы и беседовали.

Ее спокойный, уверенный, ровный голос убаюкивал младенца. И она рассказала мне свою историю. Неординарную, интересную, наполненную случайностями и чудесами.

– У меня есть непростой малыш – Серафим. Ему до сих пор никто не может поставить диагноз. Не помогли врачи, даже именитые, ни в Москве, ни в Питере. Все специалисты говорят разное. Не сошлись в едином мнении ни чехи, ни литовцы, ни грузины. Мы объехали всю Европу в поисках реабилитации.

Вот что Лия пишет на своей странице в Фейсбуке: «Серафим был Серафимом изначально. Еще до благословения на венчание. Я знала точно, что будет мальчик и будет Серафим. Только вот предположительный день родов был в середине марта, и ни на середину января, ни на тем более август – на дни Серафима Саровского – он не попадал. Серафим родился 15 января. На Серафима Саровского, когда в течение получаса было принято решение экстренно меня порезать из-за того, что разошелся шов от предыдущего кесарева сечения, и мы могли погибнуть оба. Ночью перед этим я, ничего не подозревая о грядущем дне, читала акафист Серафиму Саровскому. В тот день погиб-

ла только я... И родилась другая вместе с Серафимом».

– Лия, а почему вы приехали в Грузию?

– Ой, это забавная история. Одно почему приехала, другое почему осталась... Получилось так, что позапрошлого лето мои старшие дочери провели с крестными – московскими грузинками, с которыми мы вместе уже более десяти лет. В отпуск они уезжали в Грузию и взяли моих девочек. Мы с мужем тоже прилетали дважды: отвезти их и забрать. И вышло так, что мы в образовавшийся отпуск решили съездить на море. Грузины посоветовали ехать в Уреки, а вдруг там Серафиму будет лучше?

– И это случилось?

– В Уреки без каких-либо ожиданий мы прогуливались по набережной. Набредли на кабинет ЛФК (лечебной физкультуры) и массажа, договорились о занятиях с нашим сыном. Все это было как-то в расслабленном режиме, без особых ожиданий. Мы к тому времени уже потратили огромную сумму на различные реабилитации. В итоге ребенок измучен, а результатов ноль. И мы

куда-то идем дальше. Вот как-то так живут родители особенных детей, к сожалению.

В Уреки мы начали делать Серафиму песочные ванночки, купать его в море и бассейне. Все как-то несерьезно и очень спокойно. И он вдруг начал прогрессировать!

Лия вновь и вновь проживает эти минуты. Волнуется и радуется одновременно. Словно

почувствовав что-то, проснулся новорожденный Гавриил на руках. Она, склонившись над ним, прошептала ему нежно и весело: – А, проголодался, дружок? Голоден, как волк... Приложила его к груди и наша беседа вновь продолжилась...

– Серафим набрал вес, стал нормально спать, хорошо есть, он начал говорить! Я была в шоке, потому что до этого ребенок, а ему тогда было примерно один год и семь месяцев, произносил только отдельные слоги. А он начал повторять до пяти новых

сложных слов в день.

И тогда я стала задумываться на эту тему более серьезно и узнавать, есть ли там какая-то реабилитация, потому что совершенно неожиданно оказалось, что это место действительно работает. И выяснилось, что реабилитации там нет. Этим я была поражена еще больше. Мы изъездили всю Европу и уже знаем, что такое хорошая реабилитация. Но там нет таких природных условий. Я удивлялась: Как? Не может быть! В таком месте и нет ничего!

– Именно тогда вам в голову пришла мысль о создании реабилитационного центра?

– Да, я подумала, что если к таким природным условиям добавить еще качественную реабилитацию, не обязательно очень дорогую, а ЛФК, физиотерапию,

массаж, сенсорную интеграцию, то результаты будут потрясающие. Особенно, если брать детей до года, до трех лет. Создать службу раннего вмешательства, чтобы правильно поставить диагноз, расписать карту реабилитации. Ведь с точки зрения компенсаторных возможностей мозга «золотое» время – до года, «серебряное» – до трех лет.

Осознав все это, я начала искать в Уреки недвижимое. В это время Серафим заболел, нам пришлось еще на две недели отсрочить поездку в Москву. Зато полностью прошли курс масса-

немного с другой стороны: нужно продать идею, чтобы получить деньги, а потом реализовать их, воплощая эту идею.

– Вы строите реабилитационный центр исключительно на пожертвования?

– Да, конечно. Я стала буквально кричать в социальных сетях о строительстве центра для детей. И совершенно неожиданно мы собрали деньги, примерно, одну треть, что было необходимо для покупки дома. Добавили свои средства, взяли кредит и купили понравившийся нам дом

Лия и Александр

жа. И нашли тот самый дом для будущего реабилитационного центра. Я заболела этой идеей. Все знакомые буквально крутили пальцем у виска: Какая Грузия? Какие Уреки?

Дело в том, что у Лии и ее мужа Александра есть новый дом в Подмоскowie. Все знакомые и советовали создать реабилитационный центр на своем участке или в доме... Но где взять такие природные условия? Лию уже трудно было остановить.

– Кем вы работали до рождения Серафима?

– До этого я не была близка к медицине. Руководила продажами, последние годы занималась рекрутингом – подбором персонала. У меня в Москве было свое кадровое агентство.

Но что такое фандрайзинг? По сути, это те же продажи, только

в Уреки. Строение хотя и было довольно крепким, досталось нам в ужасном состоянии. Грязь, разбитые окна... Мне захотелось сбежать. Но мы его отмыли. Причем ко мне приезжали на субботах в Уреки мои бывшие московские клиенты. И мы там жили все прошлое лето. Легко нам не было. От нас отказались шесть архитекторов и четыре юриста, для них перестройка и оформление казались невозможными.

И я пришла к мысли пустить туда туристов. Купила холодильник, стиральную машинку, диваны. В социальных сетях разместила приглашение, указав, что могут приехать семьи с особыми детьми или многодетные семьи. И конечно, все это было не по ценам курорта, а кто сколько сможет. И расценивала как пожертвования для строительства центра.

Будущий реабилитационный центр

– И много к вам приехало туристов?

– Примерно около пятидесяти человек за лето у нас отдохнули. Первой приехала семья священника с тремя сыновьями. И они мне очень помогли. Раскручивали рамы от окон, перетаскивали диваны, кровати. В распоряжении гостей были овощи с огорода и свежие яйца, что несли наши куры. В общем, мы жили первоначально-общинным строем. На деньги, полученные от туристов, мы провели в доме электричество, сантехнику, интернет, построили крольчатник и курятник, посадили огород.

– Кто-то вам еще помогал?

– Приехав в этом году в Грузию, я навестила прошлогодних знакомых, которые знали о моих планах. Они вдруг поняли, что у меня что-то на самом деле получается, и начали активно эту тему продвигать. Это поколение старых грузин, которым лет за шестьдесят или за семьдесят. Во-первых, они очень бодры. А во-вторых, у них есть связи, необходимые мне. И наконец, у этих грузин старой закалки есть понятия чести и человеческого достоинства. И мои дела пошли быстрее. Кстати, еще интересный факт: знакомые попросили за нас, и один храм в Германии пожертвовал нам семиместную машину, мы заплатили только за растаможку. Теперь у нас есть транспорт, чтобы возить неходя-

чих детей, к примеру, на пляж. Наш дом находится в семистах-восемистах метрах от моря. Если мама несет ребенка на руках, это очень тяжело, знаю по себе. А теперь в машину можно поставить коляску и посадить маму. Вот такие чудеса начали происходить.

– Да, давайте еще о чудесах...

– А потом случилось следующее. Я планировала вернуться к сентябрю в Москву: девочкам в школу. Там муж, да и я в положении. И вот я узнала, что мои знакомые едут в Псково-Печерский монастырь, к отцу Адриану Кирсанову, который однажды очень сильно повлиял на мою жизнь. И я попросила задать ему вопрос о нашей семье, о Серафиме. И мне пришел от него ответ: «Ты остаешься в Грузии!»

Что? Я не планировала нику-

да эмигрировать, у меня налаженное хозяйство в Москве. Я посоветовалась с мужем. А мы оба знаем, что благословение нарушать нельзя. Уж если ты спросил и получил ответ, то будь добр исполнить. Но все же мы решили уточнить у нашего духовника. И приходит точно такой же ответ: «Я не благословляю возвращаться в Россию, пока ты не откроешь центр».

Я все поняла. И мы начинаем перекраивать все наши семейные планы. Муж остается пока в Москве, посещая нас по возможности. А мы с детьми живем здесь, девочки учатся дистанционно в российской школе. И в итоге, наверное, все так и должно быть, потому что совсем недавно произошло еще кое-что. На празднике Светицховлоба владыка Иосиф Гурийский благословил меня строить там же, в Уреки, рядом с реабилитационным центром храм и Серафимову обитель милосердия (в честь Серафима Саровского). Эти помыслы однажды уже благословил отец Адриан Кирсанов, но тогда это были только мои мечты.

И Лия снова совершенно случайно в социальных сетях познакомилась с многолетней мамой, которая заведует медицинским центром при патриархии Грузии. Она приехала к Лии, услышала

ее историю и устроила ей встречу с Иосифом Гурийским. На сороковой неделе беременности Лия получила это благословение. В тот день вот что написала Лия в Фейсбуке: «Какая огромная радость у нас сегодня. Просто неместимая... у меня теперь есть занятие на ближайшую жизнь».

– У меня нет денег на это строительство, нет связей. Но по опыту реабилитационного центра я знаю: чудеса бывают. Возможно, это все появится как-то в свое время. То есть ситуация сейчас развивается вот так. Но если бы я не осталась здесь, в Грузии, опять же всего этого бы и не было.

В начале осени Лия узнала, что в Грузию приезжает социальная миссия, которая занимается популяризацией российских святых. К примеру, одно из запланированных мероприятий, в которых участвовали дети и родители, было посвящено Серафиму Саровскому. Л. Сергеева тоже предложила свою помощь. В итоге 27 октября организовала международный круглый стол по вопросам реабилитации и диагностики детей с особенностями развития. В нем приняли участие врачи России и Грузии, родители особенных детей, представители духовенства и благотворительных фондов. Опыт создания реабилитационных центров в России, непростые судьбы и пути решения проблем конкретными родителями, мнение врачей и позиция духовенства к таким детям и проблемам их семей – вот краткий перечень тем, что поднимались на этом мероприятии.

Деятельность Лии Сергеевой широка и непредсказуема. Ее словно слепили из особого прочного материала, составленного из энергетики, внутренней силы, образованности, упорства и стремления к жизни.

– Лия, а сейчас на каком этапе строительства реабилитационного центра вы находитесь?

– Сейчас мы меняли крышу, идут подготовительные и монтажные работы, перенос перегородок. Нам провели газ. К тому же муниципалитет делает канализацию и воду. Мы уже за-

купили сантехнику. Причем вышло опять интересно. В одной гостинице в Тбилиси делали ремонт и дешево распродавали какие-то материалы. На тридцать девятой неделе беременности я узнала об этом из интернета и поехала в эту гостиницу. К тому времени уже еле ходила, но все же смогла, пробираясь по пыльным коридорам, выбрать необходимое. В итоге мы купили ванные, гидромассаж, душевые кабины, раковины. Теперь мы сможем делать и подводный массаж, и морской бассейн. Наше лечение будет абсолютно бесплатным для особых детей. Единственное, мы не сможем предоставить им жилье. Открытие центра запланировали на июнь 2018 г. До этого еще многое нужно сделать, успеть, перестроить...

У Лии Сергеевой есть любимые святые: Серафим Саровский, Александр Невский, Лука Крымский. К мощам последнего она полетела в Симферополь прошлой зимой с надеждой. Дело в том, что ее сын Серафим, а ему было к тому времени два года, все еще не мог ползать. Более семи месяцев они боролись над этим ежедневно, но безрезультатно.

И Лия отправилась к святому Луке. И привезла с собой почти две тысячи имен, переданных ей в молитвенной группе социальных сетей. Такое количество, конечно, она за одну службу назвать не смогла бы. Тогда они с мужем собрали через интернет деньги, приложили к ним записки и оставили в храме.

Там же вдруг ей пришла мысль петь литургию, к слову, у нее профессиональное оперное образование, абсолютный слух, она может легко читать с листа. В канун Рождества Лия пела прямо над мощами Луки. Мысленно она умоляла, чтобы ее ребенок пополз. После девятичасового пения она потеряла голос. Но это того стоило: через несколько дней после ее приезда домой Серафим пополз...

Ее трогательные или забавные, нежные или печальные от усталости посты в Фейсбуке, написанные искренне и душевно, заставляют задумываться и о

На венчании

смысле жизни, и о вечных ценностях. Вот, к примеру, ее октябрьские строки: «Когда Серафим чего-то боится, он начинает плакать и защищаться ручками. И повторять сквозь плач: «Я с тобой. Всегда с тобой».

– У вас четверо детей плюс строительство центра... Как вы все успеваете и со всем справляетесь?

Она на секунду задумалась и со смехом ответила:

– А у меня нет другого выхода...

Вчера на улице Тбилиси я увидела картину. Молодая женщина, расстелив тоненькое одеяло, устроилась на тротуаре. И положила рядом маленького мальчика, который сжался от холода. В ногах стояла жестяная баночка для подаяния. Ноябрь на дворе. И я сразу же вспомнила Лию. Совершенно сумасшедшую в своем рвении помочь собственному ребенку и чужим детям. Энергичную, целеустремленную, не позволяющую себе унывать, полную веры в людей и чудеса. Каждая мама идет своей дорогой, Лия Сергеева – дорогою добра.

Казанская икона Божией Матери

ИЗБРАННОСТЬ ИКОН

■ **Алена ДЕНЯГА**

Лампады свет уединенный,
Кивот, печально озаренный,
Пречистой Девы кроткий лик
И крест, любви символ свя-
щенный...

А. Пушкин. «Бахчисарайский фонтан».

4 ноября Православная Церковь отметила день иконы Казанской Божией Матери, а 6 ноября – иконы «Всех скорбящих радость».

«Москва! Как много в этом звуке...» Не так давно отгремели торжества в честь ее 750-летия. Ко дню рождения в самом ее центре открыт природно-ландшафтный парк Зарядье, на территории которого «расположились» исторических девять храмов. О них мы поговорим в следующих номерах. А сегодня...

«Боярский» город, город

«златоглавый», здесь каждый переулочек, перекресток, каждое строение в старой его части помнят очень многое... И могут поведать о многом и многих.

Неподалеку от Зарядья – Китай-город, Никольская улица. Здесь расположен Собор Казанской иконы Божией Матери. Первое упоминание о нем встречается в летописях за 1625 год. Создавался храм в память об избавлении России от польско-литовских захватчиков при великом заступничестве Пресвятой Богородицы, а также в память о русских погибших воинах.

Есть красивая легенда об обретении самой Казанской иконы Божией Матери. В Казани летом 1579 года случились страшные пожары, охватили они часть Казанского кремля. Пострадал

и стрельцовский дом Даниила Онучина. Тогда его дочери Матроне привиделась во сне Пресвятая Мария. Она указала ей на развалины дома, под которыми находился Ее образ. Три ночи кряду приходила к ней Богородица. Когда Матронушка рассказала об этом священнику Ермолаю, начались поиски в указанном месте и чудотворная святыня – столь любимая православными – была обретена. Спустя тридцать лет уже в период Смуты священник Ермолай, ставший патриархом Гермогеном, станет одним из вдохновителей русского ополчения. Ему суждено было умереть голодной смертью в Чудове монастыре, так и не согласившись благословить польских интервентов.

Кто только не обращался за помощью к Заступнице Небесной! В 1612 году в освободительный поход на Москву ополчение во главе с Кузьмой Мининым и князем Дмитрием Пожарским шло с образом Казанской Богоматери. В канун Полтавской битвы в 1709 году Петр I молился перед Казанской иконой – то был список (копия), находившийся в Санкт-Петербурге в Казанском соборе. В 1812 году пред святым ликом молился Михаил Кутузов.

Существует миф о том, что по тайному приказу Иосифа Сталина в декабре 1941 года во время битвы за Москву был организован воздушный крестный ход с иконой Богородицы. Те, кто верит в эту историю, расходятся во мнениях, какая именно была эта икона – Казанская ли, Тихвинская ли... Трижды была пронесена чудотворная икона над фронтом. Внезапно начался сильный снегопад и наступление фашистов приостановилось. А в ходе Сталинградской битвы перед Казанской иконой совершались молебны о победе, немецкие войска никак не могли перебраться на другой берег Волги. Чудотворную икону выносили на позиции и перед Курской танковой битвой.

Заступнице усердная, Мати Господа Вышняго! За всех молиши Сына Твоего, Христа Бога на-

шего, и всем твориши спасишься, в державный Твой покров прибегающим. Всех нас заступи... (Тропарь, Глас 4).

Святой Павел назвал икону «явлением духа и силы». Дух и сила и есть альфа и омега для верующих...

По вере вашей да будет вам (Матф.9:29).

В старших классах мне в руки попала книга «Против неба на земле» историка, правозащитницы Ольги Чайковской. Книга о православных иконах, написанная не научным, «живым» языком, стала для меня путеводителем в эту особую нишу древнерусского искусства. Иначе, под другим ракурсом открылась история государства, именовавшегося сперва Древняя Русь, позже – Государство Российское. Государства, где царили мифологизация и былинность.

Удивительным образом сквозь призму творчества зодчих, иконописцев, мастеров стенописи всплывают словно в 3D пласты исторических фактов. Безумно интересно было изучать и вникать в ту атмосферу, понимать исконность народа, его культуру и традиционность... Видеть, как из византийской традиции рождается русский аутентичный стиль со своим самобытным «почерком»...

«Бунт Богородицы» – так называется глава, посвященная Божией Матери. Ольга Георгиевна пишет о народных сказаниях «Хождения богородицы по мукам»:

«Став народным божеством, Мария перестала быть могущественной, она одинока, несчастна и беспомощна, она может всего только просить да плакать. Только такую героиню и мог создать в те времена народ... По народным преданиям, мольбы богородицы не остались бесплодными... Благодаря ей и бог оказался не таким грозным, каким хотел быть... А сама Мария – не такой уж беспомощной».

Вернемся к истории собора, носящего имя Казанской Божией Матери.

Первый деревянный храм

Казанский собор в Москве

Храм иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость»

был выстроен на средства Дмитрия Пожарского, который принес из своего дома на Сретенке (ныне Большая Лубянка, 14) чудотворную икону Казанской Божией Матери в дар будущему храму. Спустя десять лет случился пожар и на том же месте по указу Михаила Федоровича Романова выстроили каменную церковь.

Храм этот знаменит еще одним событием, связанным с печальным фактом: прямо из этого собора отправились в ссылку впавшие в немилость «раскольники» протопоп Иван Неронов

и протопоп Аввакум Петров, не подчинившиеся требованию перейти на троеперстное крестное знамение и другие нововведения Патриарха Никона.

Настал 1936 год – год 300-летия собора с момента его постройки. На тот момент в храме располагался склад стройматериалов Метростроя, в том числе запасы мрамора для отделки метрополитена. По плану реконструкции этой городской части храм был полностью снесен.

Это один из первых храмов, в свое время разрушенных большевиками, которые были

восстановлены в 1990-е в Москве. К сожалению, фотографий храмовых росписей не сохранилось. Но специалистам при помощи историков удалось восстановить тематику фресок. Сегодня можно зайти в этот уютный храм, снаружи представляющий собой пестрый шатер, с маковками, напоминающими пламя зажженных свечей, и полюбоваться обновленной «стенописью» палехских и брянских мастеров.

В двадцати минутах ходьбы от Казанского собора на Большой Ордынке находится Преображенский собор, он же Храм иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». В XVI веке на его месте стояла деревянная церковь, уже к XVII столетию здесь выстроен храм из камня. Есть предание, что сестра Патриарха Московского Иоакима (того, кто встал на сторону юного Петра в противоборстве с Царевной Софьей) Евфимия Папина, которой было видение о расположении пресвятой иконы, пошла в храм и исцелилась от тяжелой болезни. С тех пор – с 1688 года в стенах храма прославляют чудотворный образ «Всех скорбящих Радость». На иконе изображена Богоматерь в окру-

Минин и Пожарский с иконой Казанской Божией Матери

Икона Божией Матери
«Всех скорбящих Радость»

жении скорбящих и недужных, над которыми парят ангелы. В народе церковь прозвали Скорбященской. По одной из версий, в храме по сей день находится первоначальный образ. По другой – это новый, тот самый, что передан в храм Патриархом Алексием I, как только в 1948 году в храме вновь начали вести службу (с 1933 года храм закрыли, а во время Второй мировой войны здесь разместили запасы Третьяковки).

С 2009 года настоятелем Храма в честь иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» становится Митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев).

...Мария соделалась для нас небом – Божиим престолом, потому что в Нее низошло и в Ней вселилось высочайшее Божество. Чтобы нас возвеличить, умалилось в Ней Божество, не умаляясь, впрочем, в естестве Своем. В Ней облеклось Оно в ризу для нас же, чтобы нам доставить Ею спасение (прп. Ефрем Сирийский, 34, 226).

Игорю Нагорному вручена награда «Золотой глаз». Фото Како Гулиашвили

КОГДА В ТАЛАНТ УЛОЖЕНА ДУША

■ Ирина ШЕЛИЯ

Игорю Николаевичу Нагорному, тбилисцу, известному телевизионному оператору, вручена новая награда – премия «Золотой глаз» за вклад в операторское искусство. Награды победителям VII Международного фестиваля операторского искусства, прошедшем в Тбилиси, вручались жюри в концертном зале Грузинской филармонии. Эта награда – признание многолетней плодотворной творческой работы Игоря Нагорного на благо грузинской культуры в области документального кино, телевидения. Идея фестиваля рождена в студии «Инноватор», она способствует познавательным целям и развитию интереса к новейшей съемочной технике. Наградами отмечаются самые значимые персоны в операторском искусстве, имеющие высокую репутацию в международном сообществе профессионалов.

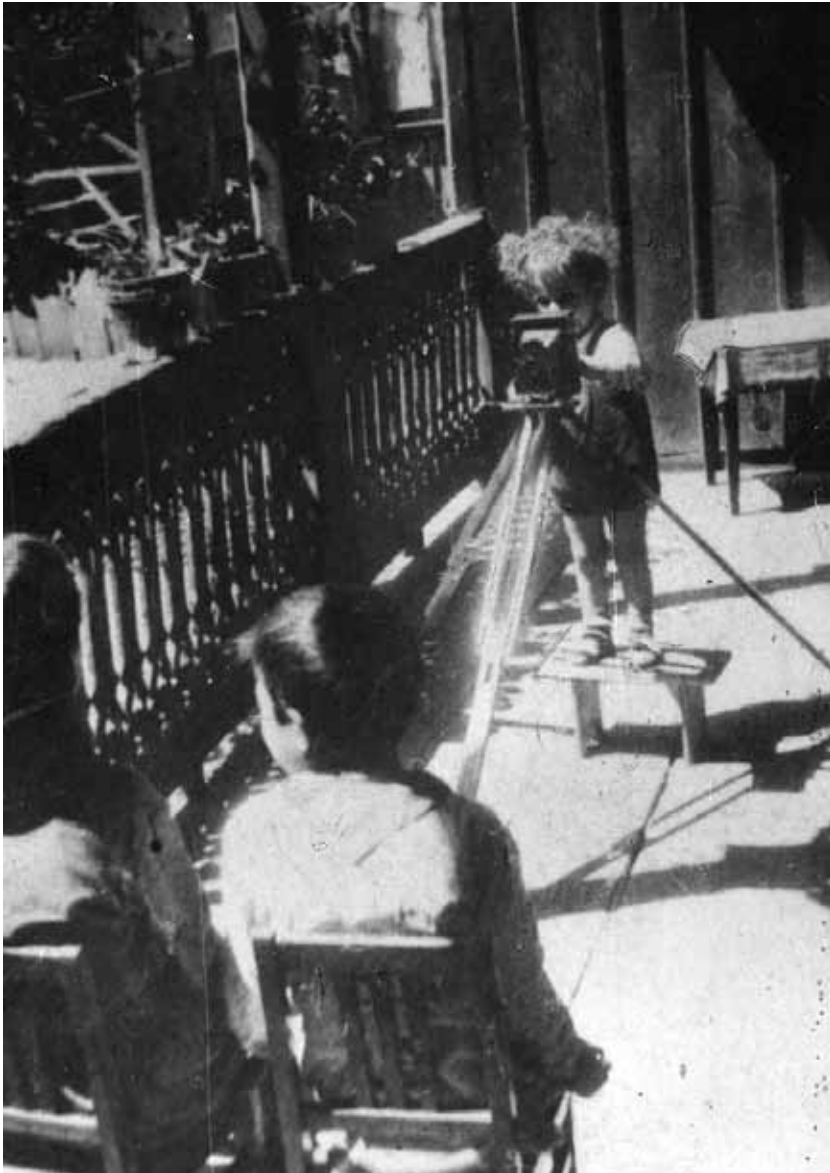
Узнав о почетной награде, которой удостоен известный телевизионный оператор и старинный друг журналистов славного поколения шестидесятников Игорь Нагорный, я загорелась желанием его поздравить от себя лично и – беру на себя смелость так сказать – от всего нашего поколения. И не тихим голосом в частной телефонной беседе, а публично, во всеуслышание, как того достоин этот замечательный мастер своего дела, теплый, преданный друзьям, по мне – уникальный человек, история профессиональной деятельности которого, собствен-

но, параллельна истории становления Грузинского телевидения и неразрывно с нею переплетена.

Что я могу нового сказать из далекой холодной Москвы читателям тбилисского журнала, которые находятся рядом с ним? Встречают Игоря Николаевича, прогуливающегося по самой прекрасной в мире улице – по проспекту Руставели, по земле, на которой судьба подарила нам счастье родиться и провести на ней неповторимо радостные годы молодости. Но, с другой стороны, нас так немного осталось – аборигенов «стекляшки» на площади Героев, в которой

более полувека назад расположилось Грузинское телевидение. К тому же с возрастом у человека обостряется дальность зрения – прошлое, очень далекое, видится ярче и проникновеннее на расстоянии. Наверное, к месту вспомнились стихи Иосифа Бродского: «Любовь сильнее разлуки. Но разлука длиннее любви». И, несмотря на эту растянувшуюся во времени разлуку, грузинское телевидение осталось в памяти, как «праздник, который всегда с тобой».

Имя Игоря Нагорного я впервые услышала, будучи еще студенткой Тбилисского универси-

Первая съемка И. Нагорного

тета. История жизни нашего, совершенно стихийно, я бы сказала, авантюрно возникшего курса – это отдельная тема, казалось бы, не имеющая прямого касательства к герою разговора. В двух словах: команда наша образовалась во втором семестре третьего курса. В ТГУ было принято решение открыть русскоязычное отделение журналистики филологического факультета. На конкурсной основе туда устремились студенты гуманитарных факультетов, и я в их числе. Педагоги наши по специальным предметам были, в основном, ведущие работники, часто – руководители СМИ. Думаю, им было не очень комфортно разглагольствовать о теоретической основе своей

«подвижной» профессии перед неугомонной, очень колоритной командой амбициозных молодых людей и девиц, которые рвались доказать наличие – и сверкание! – своих талантов непосредственно на страницах газет и журналов, на радио и телевидении. Вероятно им, нашим наставникам, и пришла в головы идея загрузить нас работой в редакциях – осваивать практические навыки профессии. Эта форма занятий была банально названа «практикой». И она, эта практика, длилась у нас с небольшими перерывами почти все время учебы. В других вузах и на других факультетах студентам о таком можно было только мечтать.

Первым местом моей студен-

ческой практики стало Грузинское радио. А первым «боевым» заданием – репортаж об удое молока в каком-то пригородном совхозе. В глубокой депрессии после посещения означенного совхоза, уныло приплелась в редакцию без особой уверенности в том, что на раздолбанном ветхозаветном диктофоне зафиксировано хотя бы мычание буренки. Изрядно постебавшись над сникшей стажеркой, бывалые радиоведущие подсказали: «Девочка, если тебе скучно с коровами и заводскими станками, и ты хочешь делать репортажи с событий первостепенной важности и со всяких продвинутых фестивалей – иди на телевидение и попросись пишущим напарником к оператору Игорю Нагорному, потому как именно он снимает все самые интересные сюжеты».

Но так сложилось, что тогда я не пошла ни в сверкающее новизной здание Грузинского телевидения, ни к оператору-«важняку» – просто уехала в Москву в поиске себя в профессии журналиста. Однако имя Игоря Нагорного и его репутация аса операторского искусства закрепились в памяти. Позже узналось, что фамилия эта – небезызвестная, упоминается в исторических монографиях о дворе семьи Романовых...

Спустя года три я пришла работать на Грузинское телевидение, успев к тому времени получить диплом журналиста, поработать в прессе, и несколько продвинуться в понимании профессиональной и закулисной жизни сообществ коллег. Одним из первых моих нарушений правил игры с начальством и коллегами был нахальный визит к главе всего телевидения республики с высказанным ему настойчивым пожеланием снимать сюжеты исключительно с оператором Игорем Нагорным. Акакий Варламович Дзидзигури был умным и добрейшим человеком с неиссякаемым чувством юмора, для которого не имела значения никакая снобистская субординация во взаимоотношениях с подчиненными – был бы

повод остроумно пошутить и от души посмеяться. «Ох, – сказал он тогда притворно озабоченным тоном, – я хотел тебя попросить из трех бросающихся в глаза компонентов – курения, короткой юбки и накрашенных глаз – исключить хотя бы один для смягчения общего о тебе впечатления, а ты еще четвертый бонус хочешь – лучшего нашего оператора заставить только твоими сюжетами заниматься?! До этого еще дорости надо, дорогая!»

Увы! Не успела я дорости до поставленной главной планки, как в нашу редакцию русскоязычного вещания буквально вломился блистательный юноша непомерных энергетика, способностей и амбиций. Большой, яркий, заполняющий собой все пространство вокруг себя. И началась многолетняя история творческого тандема – Тенгиз Сулханишвили и Игорь Нагорный. Я пишу эти строки и параллельно по скайпу разговариваю с Тенгизом, который по-тбилиски не упускает случая потрепаться живой картинкой его сибаритского плескания в бассейне в центре Вашингтона, где живет уже изрядное время. Который вечер подряд провоцирую Тен-

На съемках телерепортажа

гиза рассказать что-нибудь особо важное, серьезное в их с Игорем совместной журналистской деятельности. В ответ – шквал анекдотов, фейерверк баек, летописи забавных приключений. И представляю себе подчеркнута интеллигентного, скромнейшего Игоря – тогда еще без Николаевича – Игоречка, вовлеченного в эпатажный праздник жизни, бурлеск, в который Тенгиз Сулханишвили, неутомимый автор сюжетов, которые снимал Игорь Нагорный, умел превратить любое событие. Не было в нашем поколении человека в Тбилиси, который не знал легенду об особо магическом воздействии фотографии генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева, на которой вождь уважительно пожимает руку студенту журфака Тбилисского университета Тенгизу Сулханишвили. Это, увеличенное до внушительного формата фото неизменно появлялось во всех гостиничных номерах, в которых поселялись много разъезжающие по городам и весям корреспонденты оперативных новостных программ, что гарантировало vip-обслуживание молодым шалопаям.

Байки байками, однако сколько серьезнейших объектов, событий, личностей зафиксировано камерой оператора Игоря Нагорного! Телевизионных фильмов он сотворил несметное количество. Им сняты подавляющее большинство программ, составлявших гордость Грузинского телевидения – они вывозились за пределы Грузии и с большим успехом демонстрировались по всему СССР. Учитывая, что в то время не было ретрансляторов, и фактически вся визуальная информация распространялась при помощи отснятого на пленку материала, обменная редакция, в которой мне привелось работать, постоянно отправляла десятки, сотни коробок с пленками на Центральное телевидение и телевидение всех республик Советского Союза. Иногда сами сопровождали этот драгоценный груз. Когда приезжали в Москву и другие города, там говорили:

И. Нагорный на съемке

«Вот приехали грузины, опять привезли что-то особо интересное». И мы старались не снижать сложившийся годами уровень качества творческого материала под брендом Грузинского телевидения. Значительную роль в этом процессе играло выдающееся профессиональное мастерство Игоря Нагорного.

Когда в Абхазии не было своего телевидения и ретрансляторов, Игорь часто ездил в Сочи с ведущим диктором Лией Микадзе, редактором Автандилом Гачечиладзе и режиссером Люлю Хачидзе. На всем Черноморском побережье лишь в Сочи было свое телевидение и соответствующая техника, а гладь моря не препятствовала распространению качественного сигнала из Сочи на всю территорию Абхазии. Вывозили готовые программы, репетировали на месте, возились с техникой, работали с полной отдачей, благодаря чему абхазские жители могли видеть на экранах своих телевизоров почти все самое интересное и значительное, что было доступно тбилисцам.

Игорь принимал активное

Коллеги. Отец и сын Нагорные в Бакуриани. 1962

участие в создании первых программ Грузинского телевидения, из которых вспоминаю популярный женский журнал «Иавнана», киножурнал «С киноаппаратом по городу», журнал «Спорт», потрясающе интересную музыкальную программу с неповторимым Евгением Мачавариани, увлекательную и весьма познавательную литературно-драматическую программу, программу народного творчества... В рамках блистательной театральной программы Нагорный снял уникальный и бесценный сегодня материал – творческие вечера Верико Анджапаридзе, Васо Годзиашвили, встречи в Центральном Доме актеров в Москве, московские спектакли грузинских драматургов, поставленные грузинскими режиссерами – огромным успехом пользовалась в столице пьеса «Пока арба перевернулась». Снимал Игорь Николаевич жизнь Кутаиси, Батуми, Поти, других городов Грузии, это были правдивые рассказы, выделяющиеся среди общесоюзной конвейерной телепродукции, наполненной фальшью и пафосом.

И ведь техника тех времен не может сравниться с богатством и изыском нынешних камер. Какие же замечательные съемки удавались Игорю с аппаратурой, которую сегодняшние мастера, мощно экипированные новейшими достижениями за-

морской техники, не рискнули бы взять в руки. В этой связи не могу удержаться и не пересказать очередной перл из богатой истории воспоминаний все того же нашего интеллектуального остряка и рассказчика, блистательного журналиста, комментатора, телеведущего Тенгиза Сулханишвили. Куда денешься от факта, что тандем его и главного оператора Грузинского телевидения Игоря Нагорного – одна из ярчайших в профессиональном плане страниц истории грузинской журналистики, телевидения, культуры?! На взлете развития грузинского телевидения, когда катастрофически не хватало и опытных телевизионных мастеров, и достойного технического оснащения, эти двое ухитрились творить чудеса, при этом всегда и во всем помогая и поддерживая друг друга.

Фанатически влюбленный в свою работу Игорь Нагорный больше других операторов страдал от отсутствия надежных, не «дребезжащих» камер, которые требовали от него предельного напряжения, вдвойне усиленного врожденной близорукостью. Когда же однажды во время съемки в их команду попал звукооператор с воспалением среднего уха и в связи с этим – сниженным восприятием звуков... вы можете себе представить, каким буйным цветом в Тбилиси расцвели легенды об этом фан-

тастическом дискомфортном совпадении! Одна из этих историй живописала сценку – потерявший остроту слуха звукооператор уверенной рукой фиксирует фокус оператору с воспаленными от напряжения глазами. А тот, обладая абсолютным музыкальным слухом, лихо монтирует аудио-пленку. Вот в таком мажорно-бравурном тоне, всегда в солнечно приподнятом настроении эти два блестящих тележурналиста снимали и снимали – все мероприятия высшего эшелона, спортивные соревнования, космодромы, сценические подмости. Что только они не наснимали! Внося в работу свою интонацию, дыхание и теплоту живой жизни и доброго отношения ко всем живым существам.

Я хочу добавить еще несколько слов об Игоре Нагорном, как бесконечно добром, по-настоящему интеллигентном и трогательном человеке, который умеет пронести через годы и расстояния память и теплоту отношения к своим друзьям. Несколько лет назад, давно потерявший меня из виду Игорь, случайно узнал номер моего телефона и позвонил. Я несказанно обрадовалась, и мы взалеб стали вспоминать былые дни. Голос Игоречка дрогнул: «Подожди минутку, – сказал он, – перейду на кухню, закурю, а то так разволновался, услышав твой голос...». Это дорогого стоит, дорогой Игорь... Уже через несколько дней после восстановления телефонной связи мой старинный друг встречал в Тбилиси прилетевшего из Москвы коллегу, с которым я вела в то время очень запутанное и трудное журналистское расследование. Потратив много времени и сил, Игорь очень тогда ему помог. В этом весь он – наш дорогой верный Игорь Николаевич Нагорный, крупная творческая личность с по-детски трепетной доверчивой душой. Мы рады, что твоя многолетняя работа не забыта и высоко оценена. Многие лета, любимый и верный друг!

Александр Харютченко

«Я В МУЗЫКУ ИДУ КАК В ОКЕАН»

ВТбилиси пришла трагическая весть – не стало композитора Александра Харютченко, брата ведущего актера театра имени А.С. Грибоедова Валерия Харютченко. Мощная, глубокая музыка Александра Дмитриевича звучала в спектаклях «Заплыв по реке забвения» по Рэю Брэдбери, «Мистическая ночь с Сергеем Есениным, или Прыжок в самого себя», «Мне скучно, бес... Чур-чур меня!», в вечерах Международного культурно-просветительского союза «Русский клуб», посвященных Николаю Гумилеву, Борису Пастернаку, в поэтическом спектакле «Честь тебе, Петербург чародейный!»,

приуроченном к 300-летию города на Неве. Все они поставлены **Валерием Харютченко**:

«Как выразить то, что выразить невозможно? Кто-то из великих сказал: «Мгновение – это форточка в вечность». И путь этот уготован каждому из нас. Я молил Бога помочь брату, каждую ночь просил дать ему сил в борьбе за жизнь. Увы... Теперь я молюсь за упокой его души.

Мы были во многом похожи, духовно очень близки, дополняли друг друга. В процессе работы над какой-то сценой достаточно было сказать: «Здесь нужно дыхание бездны». И Саша открывал крышку рояля, трогал струны, дышал на них,

и мы погружались в какое-то иное измерение, бездну, в которой рождалось нечто. Музыка – высшее проявление творчества человека. Спасибо Саше за то, что он оставил нам крылья. Его музыка всегда будет в моей душе, всегда будет вдохновлять меня...».

О композиторе рассказывает член национального Союза композиторов Украины, доцент кафедры теории и истории музыки Луганской государственной академии культуры и искусств, заслуженный деятель искусств Украины **Евгения Михалева**.

«Он словно был с другой планеты...»

«Голос красоты звучит тихо.

Он проникает только в самые чуткие уши»

Фридрих Ницше

Одним из самых запоминающихся событий в музыкальной жизни Луганска ушедшего 2016

На юбилейном концерте Александра Харютченко

года стал юбилейный авторский вечер члена Союза композиторов России, доцента Луганской академии искусств им. М. Матусовского Александра Харютченко. Концерт открыл Молодежный симфонический оркестр под управлением заслуженного деятеля искусств Украины С. Йовсы, исполнивший оркестровую миниатюру Харютченко «Барокко». Перевод ее названия – странный, причудливый – невольно проецируется на личность самого композитора. В то время, когда многие буквально заражены пиаром самих себя, Александр Дмитриевич практически ничего о себе не рассказывал, хотя в Москве был известен в самых уважаемых музыкальных и артистических кругах.

«Странности» обнаружили еще в юные годы. В 14 лет он стал лауреатом первой премии Киевского конкурса молодых талантов. Начав с игры на ударных в оркестре народных инструментов под руководством Г. Аванесова, Саша Харютченко вдруг решил стать композитором. Нужно было учиться на теоретическом отделении, но в Луганском музыкальном училище не позволили: «какой-то ударник и вдруг элитный тео-

ретический отдел». Не помогло даже то обстоятельство, что отец Александра был заместителем директора крупнейшего завода им. Октябрьской революции, членом бюро обкома партии. К его чести нужно сказать, что он никогда не вмешивался в дела детей. И тогда Александр уехал в Донецк, с 3-го курса – в Одесскую консерваторию, а потом и в столичную, Московскую. Его взял в свой класс великий Арам Хачатурян.

Открывая на уроках инструментовки нашим струнникам секреты оркестровой палитры, Александр Дмитриевич не рассказывал о том, что его Сонату для виолончели и фортепиано играл лауреат международного конкурса им. П.И. Чайковского Сергей Судзиловский, а духовиков не посвящал в подробности исполнения своего Квартета для духовых инструментов ансамблем солистов оркестра Большого театра.

Харютченко не любил о себе рассказывать. В размышлениях Александра об искусстве иногда проскальзывала информация о том, что он неоднократно общался с Иннокентием Смоктуновским, который начитывал текст на его музыку к научно-популярному фильму «Подвиг Ка-

рамзина». А еще о том, что когда планировался фильм об Эрнсте Неизвестном, он встречался с гениальным скульптором, и мастер поделился с Александром своим замыслом создать гигантское архитектурное сооружение «Древо жизни».

Композитор написал музыку более чем к 40 кинолентам студий «Мосфильм», имени Горького, объединения «Экран», «Центрнаучфильм», «Союзмультфильм». Фильм «Отель Эдем» режиссера В. Любомудрова с участием Леонида Маркова и Татьяны Догилевой демонстрировался в Голливуде. Многие фильмы были отмечены на различных кинофестивалях как лучшие в номинации «музыка». Последней работой стала документальная кинолента «Великий Шаляпин» (1991 г.). Личная благодарность Ивана Козловского была автору дорожке официального признания.

Фильм «Великий Шаляпин» был последним, потому что стартовали 90-е годы, и прекратилось финансирование. Вслед за первой частью успели сделать вторую, успели взять интервью у сына – голливудского актера Федора Шаляпина, приемной дочери великого певца Стеллы в предместье Парижа

Фонтене-су-Буа. Хотя режиссером, лауреатом Государственной премии СССР Юрием Альдохиним планировалось пять частей. Многострадальная, непобедимая Россия, ее история, гениальные личности – эта тема изначально стала определяющей в творчестве Александра Харютченко на студии «Центрнаучфильм». Вот только некоторые названия фильмов с его музыкой: «Откуда есть пошла земля русская», «Один из вечных миров» (Л. Толстой), «Подвиг Карамзина», «Русская тайна», «Слово о поле Куликове».

Тема родины стала одной из главных в творчестве Александра, а началось все еще в консерваторские годы в классе Арама Хачатуряна, где учились Андрей Эшпай, Микаэл Таривердиев, Марк Минков, Владимир Дашкевич, Алексей Рыбников, Кирилл Волков. Александр Харютченко – один из плеяды последних учеников великого мастера. Дипломной работой стала его оратория «Страсти по Руси», написанная на тексты XII-XIV веков «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». Ну какой выпускник консерватории может мечтать о том, что его ораторию будут исполнять один из лучших хоров Советского Союза – Государственный камерный хор под руководством народного артиста СССР В. Минина и Государственный симфонический оркестр кинематографии под управлением народного артиста России С. Скрипки? Харютченко не мечтал, но так случилось.

Его всегда притягивал современный музыкальный язык, почему и пришлось перевестись в Московскую консерваторию из Одесской, где авангард не очень приветствовали. Ох как доставалось за него А. Шнитке, Э. Денисову, С. Губайдулиной! К авангардной стилистике пришел и Александр Харютченко, не боясь, что карьера может и не сложиться. А как же классик советской музыки Арам Хачатурян? Этот гений был мудрейшим человеком. Чувствуя индивиду-

альность ученика, он говорил: «Саша, я не совсем понимаю, что ты здесь написал, покажи Эдисону Денисову». Эдисон Васильевич на уроках инструментовки охотно просматривал сочинения молодого талантливого композитора, одобрял его идеи, давал своему ученику точные советы. И они оказались полезными в работе над балетами «Дориан» и «Ящерица», Первой симфонией, струнными квартетами, циклом «4 пьесы для фортепиано», музыкой к драматическим спектаклям «Александр Пархоменко» Луганского украинского драматического театра с участием М. Голубовича, «Сказки Гофмана» Московского театра им. К. Станиславского, «Мистическая ночь с Сергеем Есениным» и «Заплыв по реке забвения» по мотивам произведений Р. Брэдли Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова.

Все это, кроме театральной музыки, исполнялось во Франции, Германии, Великобритании, Австрии и Австралии, Канаде и США. Многим композиторам свойственны стилистические и

тематические «зигзаги». Мы прекрасно воспринимаем великого Генделя, написавшего ораторию «Мессия» и «Музыку на воде», не менее великого Баха, который сочинил «Страсти по Иоанну» и «Шутку» для флейты и струнного оркестра. Харютченко – не исключение. Наряду с философской музыкой к фильму «Великий Шаляпин» у Александра Дмитриевича есть музыка к пронизанному иронией мультфильму для взрослых «После того как» режиссера В. Самсонова, где композитор к тому же снялся в главной роли.

Последнее на момент авторского вечера сочинение для камерного оркестра «Капричос» было написано в конце 2016 года. К композитору часто обращались многие исполнители и коллективы с просьбой написать для них что-то новенькое.

Есть в творчестве А. Харютченко еще одна тема, связанная с Россией, – православие. Фильм «Русская тайна» рассказывает о православной русской зарубежной церкви, «За други своя» – о роли православной церкви в спасении Москвы во время Великой От-

С мамой Евгенией Гордеевной

Александр и Валерий Харютченко

ечественной войны.

Услышав его музыку на первой художественной выставке духовной живописи, в честь 1000-летия принятия христианства на Руси, Московская патриархия в лице митрополита Питирима заказала композитору «Евангельское слово» для хора асарелла. Это – не что иное, как распев кириллицы. Первым исполнителем стал Государственный русский хор им. А. Свешникова под управлением народного артиста СССР И. Агафонникова. Одно из последних произведений Александра Дмитриевича – хор «Молитва» на стихи Михаила Лермонтова. Мировую премьеру представлял лауреат международных конкурсов хор «Alma mater» под руководством Т. Кротько.

Почти десять лет заслуженный деятель искусств Александр Харютченко был доцентом на кафедре теории и истории музыки Луганской государственной академии культуры и искусств имени М.

Матусовского, передавая свои знания, достижения московской композиторской школы студентам (в его классе обучался талантливый композитор А. Федорчук). И, конечно, он писал музыку.

Каждое сочинение имеет свою форму. У жизни и творчества Александра Дмитриевича форма трехчастная: он начал в Луганске, более 30 лет работал в Москве и снова вернулся в родной город. Несмотря на то, что А. Харютченко в последние годы жил и работал в Луганске, его музыка звучала в фильмах о Н. Бердяеве, В. Шукшине, Л. Орловой, в цикле программ телеканала «Россия» «Личное», в частности, в передаче о Михаиле Боярском были использованы фрагменты оперы «Монтеки и Капулетти».

Кстати, об опере. Наряду с ораторией, симфонией, двумя балетами, созданными ранее, она стала еще одним, пожалуй, самым глобальным замыслом, написанным на сюжет шекспировской трагедии «Ромео

и Джульетта». Создание оперы сегодня – крайне редкое явление. Их очень мало. Написать можно, а где поставить? Но у оперы А. Харютченко был конкретный адрес – оперная студия академии под руководством талантливого дирижера В. Леонова. Его идея была поддержана ректором вуза, заслуженным работником культуры Украины, профессором В. Филипповым. И родился спектакль с уникальной музыкой, погружающей в атмосферу средневековой Италии, обращающей наш взор к современности, представляющей трепетную, нежную Джульетту, пылкого, страстного Ромео, мудрого патера Лоренцо и позволяющей найти их прототипы в нашем времени. Эта музыка актуальна сегодня. Она убеждает в бессмысленности вражды, порождающей гибель людей. Это дифирамб великой силе и бессмертию любви, это – гимн жизни. И каждый творец открывает в ней что-то свое, неповторимо прекрасное, ведь искусство, согласно утверждению аргентинского философа Хорхе Анхеля Ливраги – «это мудрость в облики красоты».

Светлая память Александру Харютченко, недавно переступившему порог бессмертия. Вот текст эпитафии: «Кем пребывал он в этом мире? Сам о себе сказал однажды: «Я просто божий человек». Не возгордясь талантом мощным, в союзе с совестью он жил и людям часть своей души в прекрасных звуках подарил. Всегда был искренен, правдив, не выносил вранья и сплетен. Он словно был с другой планеты, так не похож на этот мир, где подхалимы, интриганы, лжецы порочные в чести, где трудно правду обрести. Сейчас на небесах сверкает, там поселился дух его, он не ушел, всегда он с нами. Благодаря своим твореньям, он мудрой красоты посол, в искусстве, в нашем мироздании навек бессмертие обрел».

2017-2018

თბილისის ა.ს. გრიბოედოვის სახელობის სახელმწიფო აკადემიური რუსული დრამატული თეატრი

საზომნი

172

СЕЗОН

სახალწლო აღსაფხვანის დღეებში

დეკემბერი

27 ოთხშ., 28 ხუთშ. 12.00; 15.00

პრემიერა პ.კ. ანდერსენი

ფრთები ნამცაცასთვის

მუსიკალური ზღაპარი ერთ მოქმედებად დიდი დარბაზი

29 პარ., 30 შაბ. 12.00; 15.00

ახალი საშობაო ზღაპარი

მუსიკალური წარმოდგენა ერთ მოქმედებად დიდი დარბაზი

იანვარი

3 ოთხშ., 4 ხუთშ. 12.00; 15.00

21 კვ. 12.00 ა. ლინდგრენი

კარლსონის თავგადასავალი

მუსიკალური წარმოდგენა ერთ მოქმედებად დიდი დარბაზი

5 პარ., 6 შაბ., 13 შაბ., 14 კვ. 12.00; 15.00

პრემიერა პ.კ. ანდერსენი

ფრთები ნამცაცასთვის

მუსიკალური ზღაპარი ერთ მოქმედებად დიდი დარბაზი

7 კვ., 8 ორშ. 12.00; 15.00

ახალი საშობაო ზღაპარი

მუსიკალური წარმოდგენა ერთ მოქმედებად დიდი დარბაზი

9 სამშ., 10 ოთხშ. 12.00; 15.00

პ. ერშოვი

კუზინი კვიცი

მუსიკალური წარმოდგენა ერთ მოქმედებად დიდი დარბაზი

11 ხუთშ., 12 პარ. 12.00; 15.00

28 კვ. 12.00 რ. კიპლინგი

მაუგლი

მუსიკალური წარმოდგენა ერთ მოქმედებად დიდი დარბაზი

20 შაბ. 18.00

ლ. ტოლსტოი

ხოლსტომერი

ტრაგიკული აღსარება ერთ მოქმედებად დიდი დარბაზი

27 შაბ. 18.00

ნ. გოგოლი

რევიზორი

ფანტასმაგორია ორ მოქმედებად დიდი დარბაზი

2017-2018

Тбилисский государственный академический русский драматический театр им. А.С. Грибоедова

В ДНИ НОВОГОДНИХ КАНИКУЛ

ДЕКАБРЬ

27 Ср., 28 Чт. 12.00; 15.00

ПРЕМЬЕРА Г.Х. Андерсен

КРЫЛЬЯ ДЛЯ ДЮЙМОВОЧКИ

Музыкальная сказка в одном действии Большой зал

29 Пт., 30 Сб. 12.00; 15.00

НОВАЯ РОЖДЕСТВЕНСКАЯ СКАЗКА

Музыкальное представление в одном действии Большой зал

ЯНВАРЬ

3 Ср., 4 Чт. 12.00; 15.00

21 Вск. 12.00 А. Линдгрენ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАРЛСОНА

Музыкальное представление в одном действии Большой зал

5 Пт., 6 Сб., 13 Сб., 14 Вск. 12.00; 15.00

ПРЕМЬЕРА Г.Х. Андерсен

КРЫЛЬЯ ДЛЯ ДЮЙМОВОЧКИ

Музыкальная сказка в одном действии Большой зал

7 Вск., 8 Пн. 12.00; 15.00

НОВАЯ РОЖДЕСТВЕНСКАЯ СКАЗКА

Музыкальное представление в одном действии Большой зал

9 Вт., 10 Ср. 12.00; 15.00

П. Ершов

КОНЕК-ГОРБУНОК

Музыкальное представление в одном действии Большой зал

11 Чт., 12 Пт. 12.00; 15.00

28 Вск. 12.00 Р. Киплинг

МАУГЛИ

Музыкальное представление в одном действии Большой зал

20 Сб. 18.00

Л. Толстой

ХОЛСТОМЕР

Трагическая исповедь в одном действии Большой зал

27 Сб. 18.00

Н. Гоголь

РЕВИЗОР

Фантазматория в двух действиях Большой зал

თეატრის სამხატვრო ხელმძღვანელი ავთანდილ ვარსიმაშვილი სახელმწიფო პრემიის ლაურეატი კოტე მარჯანიშვილის სახ. პრემიის ლაურეატი

ცნობები ტელეფონებზე: 2 93-11-06, 2 93-43-36

www.griboedovtheatre.ge

Художественный руководитель театра Автандил Варсимашивили лауреат Государственной премии Грузии лауреат премии им. Котэ Марджанишвили Справки по телефонам: 2 93-11-06, 2 93-43-36

